

РАЗГРОМ

— Часть 2 —

ВЛАДИМИР КОЛОСКОВ

Владимир Колосков

Разгром. Часть 2

«Издательские решения»

Колосков В.

Разгром. Часть 2 / В. Колосков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907460-7

Во второй части романа величайший маг древности и гость из современного мира должны объединить силы, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

ISBN 978-5-44-907460-7

© Колосков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. De profundis	6
Глава 2. Вся полнота власти	26
Глава 3. Из недр	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Разгром Часть 2

Владимир Колосков

© Владимир Колосков, 2018

ISBN 978-5-4490-7460-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. De profundis

В дремучем северном лесу, где всю зиму не переставая дули суровые ветра, в глухой чаще стояла черная скала. Видели ее только вороны, потому что не ступал здесь человек и даже звери держались в стороне от чащобы. Под скалой, как исполинская могильная плита, лежал камень с письменами. Высекли их, чтобы никогда тот камень не поднялся, но то ли письма стерлись под вьюгами и ливнями безжалостного времени, то ли нанесены они были людьми несведущими, то ли что-то развеяло их силу, но в одну ночь камень отворился.

– Что здесь произошло? – спросил у ворон юноша, задумчиво стоявший у разрытой ямы и глядевший на незнакомые знаки на расколоте камне. – Не иначе, Ремли, придется тебе самому гадать, отчего нынче мертвые не лежат, не дремлют мирно в уютных кроватях, а беспокойно выбирают на свет пугать сердца робких да смущать совесть смелых, – вздохнул он, не дождавшись птичьего ответа.

Он поглядел на отворенную могилу, над которой надгробием возвышалась черная скала.

– Не иначе, какой старый ётун поднялся из мертвых, – подумал он вслух.

Ремли и сам не помнил, как забрел в эту чащу и за какой щедрой наградой направился сюда, в безлюдное вороновое царство в нехоженной стороне от охотничьих троп. Был он не робкого десятка, но решил поскорее уносить ноги, потому что жутко было смотреть на вывороченную могильную плиту, притащенную сюда неизвестным могильщиком будто от самого Стоунхенджа. Да и вековые деревья, когда-то пустившие под камень корни, а теперь раскиданные по сторонам, словно развязавшийся веник, выглядели устрашающе. Вороны, сидевшие на ветках, ответили одинокому скитальцу карканьем.

– Чудно, – сказал вслух Ремли и прикрикнул на ворон: – Будет вам, черноперые! Я на птичьем не разумею.

Вороны ответили новым карканьем, которое оказалось не вразумительнее прежнего, и Ремли, махнув на птиц рукой, поплелся обратно.

Шел он недолго, как понял, что заблудился, хочет пить, да и от еды бы не отказался. С собой, однако, у него ничего не было.

– И угораздило меня забраться в глухомань без крошки припасов. Так и ноги протянешь.

Но делать было нечего – жевать кору с деревьев и варить кожаный ремень он будет через недельку, не раньше, – и побрел он дальше. Остановился, когда услышал в отдалении шум воды.

– Слышно мне, бежит тут какая-никакая речка, – подумал Ремли и отправился на поиски, чтобы утолить хотя бы жажду.

Речка оказалась не обманом чувств, и вскоре сидел он на берегу и пил из сложенных ладоней ледяную воду. Поваленное дерево неохватным стволом перегородило реку. Другой бурелом, принесенный течением, упирался в поваленного исполина, и так выросла на реке плотина, запрудившая тихую глубокую заводь. Такие запруды часто встречаются на горных реках, течение которых весной достаточно сильно и бурно, чтобы таскать стволы, но их ложе при этом узко и круто, что поваленному стволу есть где застрять.

Хотел Ремли двинуться дальше, но увидел, что на дне заводи в дюжине шагов от берега что-то блестит, и решил задержаться. Любопытством юноша был наделен куда щедрее, чем осторожностью, поэтому пришлось ему разуться, замочить ноги и войти в речку.

Не поверил Ремли своим глазам: на дне лежал меч, да такой красивый, будто только из кузницы. Не поверил – и правильно сделал. Едва он опустил в воду покрасневшие от холода руки, как кто-то крепко ухватил его за запястья и потянул вниз. Ремли хоть и крепок был, да не устоял на ногах и бухнулся на колени на крупную гальку. Второй раз дернули его за руки – повалить целиком в воду, но к этому он уже был готов. Затрещала спина, заскользили по перекатывающимся камням колени, но дальше того не поддался Ремли. Не утащить его под воду.

От борьбы пот выступил у него на лице, хотя стоял он в ледяной воде. Улучив удачный момент, Ремли сам так рванул на себя руки, что приподнял кого-то из воды. Скользкий хват недруга ослаб на его запястьях, и подводный некто решил бросить Ремли, но тут юноша прихватил речного жителя, уцепился, сам не понимая, за какое поджабрие, и потащил к берегу.

– Шотландский драк! – воскликнул Ремли, и было это не ругательство, а наименование сегодняшнего улова.

Он подтащил брыкающегося речного фейри на мелководье, где тот был слабее и выказывал меньшую охоту сопротивляться.

– Пусти, хозяин. Я больше не буду-у-у-у, – завыл драк, когда понял, что не только не совладать ему с пришельцем, а еще придется постараться, чтобы ракушечные ноги от него обратно в заводь унести.

– Выколоть бы тебе глаза за такие фокусы. Совсем обленился из воды смотреть. Я тебе что, пастушка или прачка, которых ты к себе золотыми кольцами заманиваешь? – Возмущению Ремли не было предела.

– Я больше не буду... – снова захлюпал драк. Подманивать жертвы ценными находками было излюбленным фокусом речных фейри.

– Тогда меч отдай! – потребовал Ремли выкуп.

– То разве меч? Морок для здешних дурех и дурней деревенских, – пробулькал, пуская фонтанчики воды изо рта и ушей, драк.

– Хоть что дай, – не унимался Ремли, – сокровищ каких.

– Откуда? Я ж не тролль, – отнекивался драк. – А хочешь, совет дам?

– С паршивого козла хоть глоток молока. Ладно, давай свой совет.

– Пойдешь по реке, выйдешь к мосту, под ним тролль живет. У него о злате и спросишь, коли кишка не подведет.

– Сегодня еще не подводила. – Ремли поддал драку хорошего пинка, отправляя фейри обратно в его глубинное логово. – Проваливай, жидкий! Развелось вас тут!

Ремли вышел на берег, отжал от воды штаны, оделся, подпоясался и влез обратно в сапоги. Он нашел заводь, где рябь была потише, и стал с берега разглядывать в зеркале вод свое отражение. Выглядел он молодцом. Одежда на нем была ладно скроена, хотя сильно обветшала. Зато сапоги сверкали на зависть: воловья шкура, а не лыковые обноски, да и пояс настоящий, кожаный – не дело такому доброму парню по-крестьянски веревкой опоясываться. В лесу не теплело; и как ни хороша была одежда, но против воды заговора на ней не было, и на ветру стало Ремли прохладно.

– Поиздержался я в дороге, – вздохнул он, ощупывая свою кожу, висящую на костях. – Диву даюсь, откуда в таком скелете сил драка из воды вытащить. Жареного кабанчика бы сейчас, жирку набрать, чтоб под каждым сквозняком не дрогнуть.

Но кабанчика – ни жареного, ни вяленого, ни сырого, ни живого – поблизости не было, и, вздрогнув от холода, он поплелся дальше, стараясь не отходить далеко от реки. Драк обмолвился про тролля. Да ладно! Тролль? Это звучало сказочно. После странной могилы под скалой, драка и речного морока еще и тролль? А почему нет?

Ремли добрался до моста в сумерках, а ночью всякая нечистая тварь сильнее, как он знал еще сизмальства. Не трогать бы в темноте старого моста. Темень под замшелым сводом манила Ремли зовом загадок и тайны, золото тусклым блеском зажглось в его воображении – в том его месте, где сходятся на азартном перекрестке дороги фантазии и алчности. Однако Ремли притушил огонь любопытства и воздержался второй раз подряд испытывать судьбу в схватке с нечистью. Он храбро прошел мимо возможного логова тролля и решительно взобрался на мост по откосу. Бесспорно, крутой склон он одолел очень храбро и решительно, но не очень ловко. Несколько камней под его ногами скатились вниз, шлепнулись о камни на берегу и громким стуком и всплесками разбудили тролля.

Ремли задумчиво стоял на мосту, когда услышал внизу шевеление большого зверя. Мост задрожал у Ремли под ногами, когда тролль, выбираясь из убежища, зацепил головой свод.

«Недолго стоять мосту, если он каждый раз будет так об него биться», – подумал Ремли, глядя на лапищу, которая вынырнула из-под моста и опустилась на невысокий, поросший мхом парапет.

За лапой из-под моста появилась голова. Тролль нашел подслеповатыми глазами фигуру стоящего на мосту Ремли и спросил:

– Кто тревожит Уррага, тролля моста?

Ремли опешил. Голове надо было что-то ответить. Говорить правду – верный выход из любой непонятной ситуации, конечно, если нет подходящей лжи или другого верного способа.

– Ремли тревожит. Что надо, зеленый? – ответил Ремли, на всякий случай отходя к противоположной от тролля стороне моста, ближе к другому спасительному откосу.

– Мне надо лишь малость, – отозвался Урраг, – убивать всех, кто тревожит, кто нарушает покой, кто золото ищет, кто дерзок и резок, у кого лошади подкованы и тележные оси скрипят, кто свистит не по делу или пьяные песни горланит, – ответил Урраг. – Тебя в кулаке раздавить или голову сплющить? – уточнил вслед за тем тролль, распрямившись на ногах так, что парапет доставал ему до груди. – Могу в реке утопить, если смиренно попросишь, притом от крика и вопля воздержись, плакать и молиться не станешь, – добавил он, расправляя в стороны длиннющие лапы так, что они перекрыли Ремли путь с моста.

Но Ремли было не так просто схватить. Не тратя драгоценное время на ответ, он перекатом шмыгнул под лапой, нырнул за угол противоположного от тролля парапета, кубарем скатился по откосу и побежал в лес, слыша за собой приближающиеся шаги.

Урраг своим широким, как и у всякого тролля, шагом легко настиг бегущего через лес Ремли и легонько подтолкнул его пальцем в спину. Ремли свалился, кувырком перекатился через ветки, ободрав затылок и шею, но тут же вскочил на ноги, одним движением подхватив с земли увесистый сук.

– А ну, кыш! – выставил он перед собой палку.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся тролль. – Кыш! Такого я давно не слышал. Рассмешил ты меня. Будь я помоложе, отпустил бы тебя, но мне тысяча лет, я знаю, как хлопотно отпускать людей восвояси. Вы потом возвращаетесь с факелами и копьями.

– Оно и видно, что тысяча, – подтвердил Ремли, продолжая держать сук перед собой, – совсем старому и поговорить не с кем.

– Эх, – вздохнул тролль. – Ну хочешь, я тебе шею сверну? – добродушно предложил он. – Это для людей самая быстрая смерть.

– Не хочу, – ответил Ремли на это весьма заманчивое, с тролльей точки зрения, предложение.

– Ну а я все-таки сверну.

Урраг протянул лапу, но тут сук в руке Ремли, которым тот выцеливал глаз тролля, чтобы ткнуть его побольнее, начал светиться. Таинственным белым светом сук разгорелся так ярко, что ослепил тролля. Ремли же увидел, что в объятой непонятным светом руке он сжимает не сухой сук, а дивной красоты обоюдоострый меч.

– Хозяин? – удивленно спросил тролль, щуя слезящиеся глаза. – Прости, не узнал тебя старый Урраг. Столько зим уж я тут, сколько камней в том мосту, да и ты переменялся.

– Давай, проваливай, лезь, откуда выполз, туда – под мост. – Ремли поспешил воспользоваться чудесным превращением палки, а то кто знает, надолго ли ее хватит.

Тролль повернулся и ушел к себе под мост. Как только тролль повернулся к Ремли спиной, свечение погасло. Ремли долго разглядывал палку, но не нашел в ней ничего необычного.

– Эй, Урраг, – тихо позвал он тролля, вернувшись к мосту.

– Да, хозяин? – отозвался Урраг из глубины каменного свода. Для своих размеров тролль был ловок и убрался в свое логово тихо и не задев моста вторично. Подивился Ремли на при- смиревшего тролля, но дивись или не дивись, а был Ремли голоден. Еда же, как он тоже хорошо помнил сызмальства, сама с неба не свалится. Сколько чудного ни приключилось в этот день, а рассчитывать на падающих с небес прожаренных перепелов с ароматными пшеничными лепешками не приходилось.

– Не одолжишь ли немного монет? – осмелел Ремли.

Под мостом ухнуло, как показалось Ремли, утвердительно, затем послышалось недоволь- ное ворчание и возня. Ремли высунул голову и одним глазком присмотрелся: тролль что-то раскапывал под каменной опорой моста.

Ремли забрался на мост и стал ждать. Судя по содроганию земли, тролль извлекал на свет что-то грандиозное. За тысячу лет, поди, накопил себе целые сундуки золота. Что делать, если тролль даст ему сундук? Как тащить?

Через значительное время по каменной кладке звякнула одна монета.

– Больше нету, – раздалось из-под моста голосом Уррага. Голос тролля был таким печаль- ным, будто он отдал Ремли не одну-единственную монетку от своих несметных сокровищ, а оторвал ему от себя собственный глаз, язык или еще что подороже. Вслед за «нету» снизу донеслось до Ремли неразборчивое сердитое ворчание.

«Вот жмотяра зеленая», – подумал Ремли, отыскивая в темноте монету. «Хотя бы золо- тая», – добавил он, попробовав находку на зуб.

– Куда идти, чтобы прийти к людям? – спросил он у прижимистого кредитора.

– Без разницы. Дороги ведут к людям, тропы лесные уводят от людей.

– Спасибо!

В какую же сторону пойти по дороге? Ремли это было очень легко определить! Он закрыл глаза, покружился на одном месте, пока не свалился на землю, и в какую сторону оказался лежащим ногами, туда и зашагал.

Почти в полной темноте он долго плелся по дороге. Он вертел, гладил, сжимал, фехто- вальным выпадом выбрасывал перед собой и даже облизывал подобранный в лесу сук. Све- чение ему бы пригодилось, но сук, принимаемый Ремли за волшебный, вел себя как самая обычная палка, каковой, надо сказать, он и являлся. К счастью, стоял разгар лета, и в северных землях даже глубокой ночью хватало света, чтобы – пусть и с трудом – разбирать дорогу.

До ближайшего человеческого жилья оказалось не так далеко, как могло оказаться в худ- шем случае. Ремли, так и не разгадавший тайну найденного в лесу сука, завалился на постоя- ялый двор задолго до рассвета. Против его ожиданий, там до сих пор кутили. Подвыпившая компания трех молодых во главе с сержантом горланила песню. Ремли подошел к заспанному хозяину, который хотя и порядком подустал от шумной, но исправно платившей компании, но наживы ради до утра бдел их всякое желание. Ремли бросил на стол выклянченную у Уррага монету:

– Осталось что поесть после таких могучих едоков? Ведь если их пасти горазды жрать с той же страстью, с какой орут нетрезвые песни, то я изумляюсь, как еще не пошли им на корм твои ляжки, трактирщик?

Трактирщик улыбнулся. Ремли по облику и речам был добрый мальчик, и, говорила уве- систая монета, при деньгах. В этом богом позабытом месте и то и другое обязательно доведет его до беды, но это не повод отказать путнику в кружке эля и толстом ломте ветчины. Хозяин бросил старинную монету на весы, отсчитал на стол сдачу и пошел за едой для нового гостя.

– Что ты там лепечешь, недомерок? – раздался из-за стола окрик сержанта, когда смолк последний куплет. – Не по душе тебе добрая солдатская песня?

– Ай! Ай! – поприветствовал воинственного собеседника Ремли. – Коли на драку, дядя, нарываешься, то сперва макнись в колодец харей. Бить пьяного – не великое веселье, а ты краснее поросся от слова «красный», ведь словом «красен» тебя и со свиньей я рядом не поставлю.

– Смотрите, братья, как разрублю я наглеца. Уши твои прильют гвоздями к двери, через которую ты вошел, – погрозил сержант и с трудом поднялся с низкого табурета.

– В том спору нет, почетный подвиг – резать уши безоружным, да и на тот тебя не хватит. – Ремли поднял в руке сук и погрозил солдатам.

Сержант вытащил из ножен меч. Хозяин трактира, появившийся было из погреба, предпочел спуститься на несколько ступеней вниз. С кровавым интересом он приготовился наблюдать за дракой. Над полом осталась торчать только его любопытная голова.

Нетвердой поступью сержант подошел к Ремли, но хотя он качался от крепкого эля, как цветок на ветру, удар его был точен. С мечом он управлялся лучше, чем с ногами. Ремли едва увернулся от разящего выпада. Половина палки, которой он собирался отбиваться от драчливого солдата, свалилась на пол. Чудесный сук срубило, как тростинку бритвенным лезвием. Солдаты за столом загоготали и начали ободрять дерущихся, показывая жестами на уши.

Ремли отбежал от сержанта, который едва ходил. Он держался в равновесии на ровном полу с усилием и сосредоточенностью канатоходца над пропастью, балансируя вместо шеста своим мечом. Дверь была недалеко, хотя солдаты сидели к ней близко и могли перехватить Ремли на пути к выходу, но Ремли рассчитывал, что проворства для бегства ему хватит даже с такой форой у солдат.

– Подставляй уши. Если будешь бегать, тебя подержат, – предупредил сержант Ремли. На серьезное сопротивление он не рассчитывал.

– Что за фокусы! – воскликнул Ремли, глядя на обрубок палки, которой испугался тролль, и в сердцах кинул, что оставалось в руке, в сержанта. Тот же знакомый свет, что он видел в лесу, на мгновение озарил полутемный трактир, и тяжелый меч сержанта упал на земляной пол.

Солдаты со страхом посмотрели на своего предводителя, проткнутого деревянным суком. Заостренная палка пробила толстый слой кожаных доспехов, как нож корку хлеба, проломил сержанту ребра и торчала у него из груди. Сержант грузно опустился на пол рядом с мечом.

– Колдун! Бежим! – закричали солдаты и, цепляясь за столы и табуретки, выбежали из трактира с такой прытью, что Ремли показалось: нет, не успел бы он убежать через дверь вперед них.

Трактирщик, готовый в любой момент окончательно нырнуть под землю, накрыться крышкой и убрать лестницу, выбрался из своего укрытия, из которого наблюдал за дракой.

Ремли подобрал меч сержанта и повязал на пояс его ножны.

– Они вернутся, – предупредил беспокойного гостя трактирщик.

– Знамо дело, – согласился Ремли, – но право поединка – мой судья и страж.

– Ты, малый, начитался сказок. Все поединки только для господ. Да и все ли было честно?

– Тут ты прав, мудрец, которому бы право Рима изучать в монастыре, а не пиво ставить по столам. Скажи, а скоро ли придут с подмогой?

– Скоро, – подтвердил трактирщик, – до восхода будут.

– Тогда передавай, что, коли многие из них торопятся в покойники, я встречаюсь с ними у каменного свода, что недалеко от вашего села соединяет разъятые водою берега.

– А ты колдун? – осторожно пододвигая к Ремли деревянную тарелку с ветчиной, спросил трактирщик.

– С утра как будто не был, – пожал плечами Ремли. – Слов ворожбы не помню, волшебных трав не знаю, и борода моя твоей короче, так, стало быть, и нет. Есть веревка? – спросил Ремли у трактирщика. – Дай моток.

Запихав моток пеньки, ветчину и краюху за отворот рубахи, Ремли трусцой побежал к мосту Уррага и преодолел обратный путь втрое быстрее прежнего. Он бы бежал еще быстрее, да боялся потерять веревку или ветчину. Без веревки не получится его замечательный план, а без ветчины будет голодно дожидаться погоню.

Перед мостом Ремли снял сапоги, чтобы лишний раз не тревожить тролля, и на высоте половины локтя перетянул веревкой мост. Веревка не больно крепка и привязана наспех к скользким каменным выступам. Лошадь на скаку ее порвет передними ногами, но наверняка споткнется и скинет всадника.

Ремли обулся, спрятался за парашютом и съел то небольшое, чем в дорогу ссудил его трактирщик. Начинался рассвет, пора бы им появиться, иначе веревка станет слишком заметна. И точно, едва Ремли дожевал последний кусок, вдали послышался стук копыт. Он хорошо слышал, как трое верховых идут рысью, не торопятся, может, и пешие бегут следом.

Первый всадник, как и задумывал Ремли, пронесся по мосту. Лошадь его только в последний момент увидела веревку, решила прыгнуть, но не успела подобрать ноги. Для всадника это имело плачевные последствия, на которые и рассчитывал Ремли. Всадник прыгнул отдельно от лошади и полетел вперед через голову. Тело грузно шлепнулось на дорогу. Ремли выскок из своего укрытий, встал перед перепуганной кобылой с расставленными руками. Лошадь, встав на мгновение на дыбы, в панике ринулась назад, сбивая порядок двум другим преследователям.

Ремли ногой уложил на землю пытавшегося подняться сержанта, быстро выхватил меч и воткнул его в прорезь шлема. Острие проткнуло череп и заднюю стенку шлема, впилося в землю, орошая дорожную пыль кровью. Довольный собой, Ремли оперся на меч, крепко, как вкопанный, торчавший из головы верхового, и с интересом наблюдал, как двое товарищей убитого пытаются совладать с лошадьми, которые испытывали непреодолимый стадный зов броситься вслед ускользавшей без всадника подруге.

Лошади беспорядочно топтались по мосту, громко цокая копытами. Обе они были подкованы. Отлично. Все как любит чувствительный на ухо Урраг. Когда всадники утихомирили лошадей, Ремли уже слышал, как тролль ворочается, выбираясь из-под моста.

– Эй, разбойники! Если повернетесь сейчас, еще успеете унести ноги, – честно предупредил Ремли.

Верховые перебросились коротким сигналом к атаке, обнажили мечи и тут же оказались вырваны из седел и зажаты в огромных кулаках Уррага. Тролль сплющил обоих о каменную мостовую и утащил в свое логово. Урраг захотел снова вылезти за третьим, но взошло солнце, и ему расхотелось. Ремли срезал с убитого кошелек, достал две монеты и, кинув с моста в реку, прокричал:

– Долг платежом красен!

В ответ с благодарностью ухнули.

Ремли отвязал оба конца порванной веревки, до рубахи раздел убитого, связал его легкие доспехи и сапоги в узел, чтобы удобно нести на плече. Перчатки он сразу надел на себя, они пришлись впору и к месту. Если придется махать мечом или править лошадь, то голые ладони натрут до белых пузырей. Мозолей у Ремли не было, и разводить их, понапрасну грубя кожу, не входило в его планы. Шлем же был испорчен и перепачкан. Его можно отмыть в реке и поправить в кузнице, но пока он непригоден. Когда Ремли закончил с добычей, до моста добежали четверо пеших солдат, среди которых он узнал трех знакомых с постоянного двора. Они вели под узду одну лошадь – кажется ту, что порвала веревку, две прочих, должно быть, убежали в другую сторону.

Поздно подоспевшие в подмогу были в поту от бега в нелегкой ратной одежде и покрыты поднятой лошадь пылью. О тролле они не догадывались. Все, что они увидели, – это их поверженного предводителя в луже крови и самоуверенного победителя над ним.

– Поединок, парни. Сдавайтесь, или будем биться? – спросил Ремли, пользуясь замешательством солдат. Он сбросил на землю узел с добычей и взялся освободившейся рукой за рукоять меча. – Признаться, четыре покойника за день – это для меня скукота, вот с восемью уж можно говорить, что не зря день прожит. Так что?

Не устоять ему против четверых, если очередное чудо не подоспеет и сержантский меч вдруг не начнет рубить врагов по своей воле, но какое-то неистовое чувство задора и радости заставляло Ремли раз за разом речами ввергать себя в неприятности. Как канатный плясун, упивающийся смертельной высотой, Ремли ввергал себя в пучину опасности, лишь краем сознания оценивая, насколько близко он подошел к линии, отделяющей жизнь от смерти.

Четверо растерянно побросали оружие и признали поражение.

– Вяжите себе руки, – приказал Ремли и бросил им второй кусок веревки. – Крепче вяжите! У кого к полудню не будет рубцов, руки по локоть обрублю! – пригрозил он.

Проверив крепость узлов и связав последнего пленного, он привязал их к поводу лошади, перекинул через седло убитого и двинул караван обратно в селение.

– А где еще двое? – спросил один из пленных.

– Река унесла, – соврал Ремли, – жаль, лошадей не поймал.

Трактир был закрыт. Хозяин, верно, спал после волнительной ночи. Ремли выломал засов, переполошив всех внутри, и с пленными на поводу завалился внутрь. Бросив хозяину несколько монет из своей добычи, Ремли улегся на единственную лавку, натянул овчинное покрывало, валявшееся рядом, и усердно принялся спать. Четыре уставших пленника легли рядом на землю, больше им ничего не оставалось. Их веревки Ремли крепко зажал в левой руке, а обнаженный меч положил себе на живот поверх одеяла, держа рукоять правой.

Едва Ремли закрыл глаза, как почувствовал, что поднимается над землей и возносится к облакам. Он смотрел на суету внизу: на города и деревни, на хлебопашцев и дровосеков, на вереницы бодрых воинов, весело бредущих на восток, и кучки поникших головами воинов, возвращавшихся обратно, на хмурые прямоугольные замки, в которых ковался дух войны и закалялось оружие боен. И не было ни в военных заботах, ни в мирных хлопотах ничего, что не вселяло бы в него тоску и уныние. Он вознесся выше и увидел самую высокую вершину. На ней на троне изо льда сидело мерзколикое чудовище. Из холода вечных снегов оно взирало на мир, и глаза чудовища были холоднее ледников. Оно поманило Ремли, и тот, не видя поводов сопротивляться, подался навстречу потустороннему зову.

– Вспомни, кто ты, – призвало чудовище Ремли, и тревожное пробуждение настигло его.

Было около полудня. Он резко поднялся, весь в холодном поту, едва не порезав мечом свою ногу. В трактире стояла полуденная тишина, все странники проходили мимо, набирая только воды у колодца. Связанные пленники дрыхли на холодном полу. Парочка мышей от шевеления Ремли трусливо нырнула в погреб. Старый облезлый кот лениво следил за ними со своего лежбища на стропилах. Солнце через многочисленные щели пробивалось внутрь, наполняя невзрачную лачугу тусклым светом, в котором весело плясали крохотные пылинки и шныряли туда-сюда проворные мошки. Место, где таинственная смерть настигла сержанта, было присыпано соломой; может быть, позже трактирщик высыплет на кровь ведро земли.

– Вспомни, кто ты... – повторил Ремли, как зачарованный, последнее, что помнил из своего сна.

О, если бы люди не видели или хотя бы не помнили снов, если бы не впадали в безумие от излишней тонкости чувств или от излишков вина, если бы неподвластным этому безумию не приходилось слушать одурь тронутых, одержимых и бесноватых, тогда люди стояли бы куда тверже на ногах и не верили бы во многое, во что иначе приходилось им верить, ведь даже не верящие в фантазии духовидцев всем сердцем по меньшей мере в некой молчаливой трусости хотя бы допускают умом возможность их правоты. Допускают истинность в обмане чувств, восприятий, впечатлений. Так весь мир вокруг стал обман, что не ново, но пока этот обман

не спустится на плечи со всей тяжестью безысходности, не стукнется над головой непроглядной пеленой тумана, он остается лишь игрой слов, мелочами, в которых, по поверьям, прячется дьявол и кто знает, кто еще.

Смерть и ее брат сон... Может, Ремли умер в этом лесу, погиб от голода, замерз в холодной одинокой ночи, пал в схватке с голодным зверьем или разбойники полоснули по горлу ножом, пока он беспомощно спал, и теперь он преодолевает загробное испытание, измышленное особым демиургом испытаний для душ безвременно усопших, чья посмертная участь по попустительству парок не была отмерена еще до рождения? У этого искусника иллюзий, сочиненного кем-то на случай ошибки, имелось для каждого смертного подходящее ему и только ему одному испытание...

Сон ли это был? Видение ощущалось с большей настоящностью, чем явь, полет над миром превосходил сам мир. Да и мир ли был кругом? Что за мираж, что за чернокнижное наваждение преследовало его весь прошлый день? Какая-то фантазия, глупость, несуразная выдумка. Речной драк, тролль под мостом – сказка, обычная сказка. Откуда взялись эти чудеса? Целый ворох необъяснимых чудес, нанизавшихся одно на другое, как бусинки на нитку, которая была нитью жизни Ремли, а рядом лязгали ножницы мойр, занесенные пока над другими судьбами. Четыре отрезанные нити – это четыре убитых в пустом, случайном, непредсказанном ночном переполохе человека; и четыре плененных, чьи веревки Ремли до сих пор сжимал в своей ладони.

– Ах, – вздохнул один из пленных и тоже открыл глаза. Потереть их связанными руками он не мог, поэтому часто заморгал, так же как и Ремли скидывая морок снившегося сна. Сна, воплощавшего желания и куда более приятного, чем посетил в это утро Ремли.

– Кормить нас ты не собираешься, – пожаловался пленник, – так дай хоть воды.

Этот хотя бы не сомневается. Может, жажда затмила ему разум и поэтому он не видит всю странность своего существования? Однако и жажду сложно назвать неподдельным чувством. Воспроизвести ее так же легко, как и любое другое страдание, а поддельные страдания настолько обыкновенны, что давно затмили собой настоящие, в которых мир от века не знал недостатка, поддельными-то и кормятся полчища вечно несчастных, что пьют из ближних и дальних сострадание, как комары кровь.

Но время действовать – просьба пленника подняла Ремли из шторма бушующих мыслей и повлекла течением на твердый берег обычных человеческих нужд. На берегу даже шторм показался Ремли игрушечным, вот он с глубоким переживанием вонзает свой мысленный взор в расплывающуюся и двоящуюся картину мироздания, но едва его задевает чужой голос, он оказывается словно в другом месте, а от того, что так занимало его, не остается ни тени тревоги и удрученности. Один сон закончился, начался другой, знакомый, продолжающий вчерашний.

– Эй, ты проснулся, что ли? – снова потревожил его голос пленника.

Ремли вскочил с лавки, выхватил нож и перерезал все веревки. Пинками подгоняя удивленных таким резким переворотом в настроении пленников к двери, он напутствовал:

– Сами наберите воды и напейтесь. Вы на богачей не похожи. Выкуп за вас будет грошовый, и того ждать три года, так что принесите мне воды из колодца, а потом ступайте отсель прочь, не забывая всем, кому будет угодно вас слушать, славить храбрость и добросердие вашего спасителя, имя которому Ремли.

Выпроводив обузу, Ремли пересчитал добычу. У него было шесть мечей, три ножа, одна лошадь под седлом, запасной доспех в два слоя воловьей кожи, прошитой стальными заклепками, немного денег. С этим можно двигаться, куда бы он ни захотел. Куда же он хочет? Ремли не знал и задумался. На его радость обратно явились четверо отпущенных пленных.

– Просим храброго Ремли быть нашим сержантом и предводителем, – сказал первый. К его словам надо добавить, что в те времена всякий конный воин, не имевший герба, земель, замка, родословной и иных поводов именоваться рыцарем, звался сержантом. Ремли этого

не знал, но и так было понятно, чего им надо. Прибиться к кому-нибудь, у кого от ветерка вражеской стрелы на волосах сердце в пятки не проваливается.

– У нас больше и лошадей нет. В походе без поклажи тяжко, – посетовал второй.

– И денег нет, – добавил третий.

Четвертый промолчал.

– А куда вы идете? – спросил Ремли. Ему было все равно, куда идти.

– В крестовый поход.

Ворох чуждых, поблекших, будто не своих воспоминаний промелькнул в голове у Ремли: земли Палестины, Кипра и Мальты, Акра и Иерусалим, могучее войско тамплиеров и пышные шатры Ричарда Львиное Сердце. Все это было в недалеком прошлом. Хотя как посмотреть – в недалеком. Ремли точно не мог помнить ничего из тех походов, только слышать о них. Тем не менее эпоха рыцарей и войны за Святую Землю продолжалась, до битвы при Никополесе, в которой турки поставили в многовековом споре последнюю точку над *i*, оставалось почти целое столетие. Крестовые походы – тень, прах и талая вода от прежних великих боен – еще продолжались, окончательно превратившись в грабительские набеги. Да и набеги те опустошали больше единоверцев, чем магометан.

– Ладно, провожу вас немного, – согласился Ремли. – Как вас звать-величать?

Четверо назвали. Их имена скоро стерлись из памяти Ремли, поскольку судьбой было суждено, что пробыли они вместе недолго.

– Куда двигаем отсюда? – поинтересовался Ремли, когда со знакомством было покончено.

– Кэрримюр, – ответил первый.

– Нужно сойти с земель лорда Тоби, поддавшегося новым веяниям. Евойный судья обожает тепереча учинять разбирательства по поединкам. Здесь ты не в безопасности, ведь один из убитых тобой был любимым бастардом племянника лорда Тоби, а слухи летят быстро, – объяснил второй.

– Кэрримюр в землях лорда Шелло, который сочувствует нашим целям, благородным рыцарям и простым солдатам и даже может поддержать нас, коль скоро мы доберемся до его замка, – поделился третий.

Четвертый промолчал, и пошли они в Кэрримюр. Ремли верхом и держа в охапке награбленное оружие. В Кэрримюре его можно дорого продать и на полученные деньги подобрать себе вещички. Его спутники привычно плелись следом за сержантской лошадей. То, что в седле был другой человек, чем вчера, не имело для них никакого значения.

По пути встретила им телега, на которой сидели красивые девушки в разукрашенных вышивкой праздничных платьях. Перед ними стояла большая корзина с полевыми цветами. Девушки плели из них венки и украшали ими свои головы, запястья и даже лодыжки. Девушки пели:

*Гулянья в Кэрримюре
Ты, друг, не пропусти!
Коль не был здесь в субботу,
Считай, что и не жил!*

– Какой сегодня день, ребята? – спросил Ремли у спутников.

– Пятница, – ответили они.

– А большой ли праздник намечается у вас, милые певуньи? – Гремя железом, Ремли отвесил девицам учтивый, насколько это возможно, оставаясь в седле, полупоклон.

– Приходи – увидишь, – смешливо ответили ему с телеги.

– Приду обязательно, но замечу, что как иные мужи являют своей брэнной плотью пороженые бочки для пива, я являюсь вместительным сосудом для безудержного веселья. Сейчас он пуст, и нелегко вам будет наполнить его до краев, – похвалился Ремли.

– Залезай к нам, – позвали девушки, – попробуем.

– Сегодня я взнуздal и оседлал лошадь, с которой познакомился не далее как прошлой ночью. Будет непростительной грубостью изменить моей красотке так скоро, но завтра я намерен взнуздать и оседлать кого-нибудь еще, и никакая сила не сможет мне в этом помешать. Вы же, бредущие со мной, не стесняйтесь принять приглашение и скоротать часть пути на телеге, если те милые юноши на облучке не против такого.

– На всех хватит, – отозвался возница.

*На праздник в Кэрримюр
Мы двадцать дев везли.
А собрались обратно —
Не девы уж они! —*

пропел другой возница и с кувшином перебрался в кузов телеги – встречать гостей.

– Вы, должно быть, знатного рода, богаты или известны? – спросила одна из девушек, передавая Ремли венок, который он надел себе на шею.

– Все может быть в этом мире под звездами, но если и так, то мне об этом пока неизвестно, – признался Ремли.

– Тогда как получилось, что четверо могучих мужей идут в пыли юнца, восседающего на чужой лошади?

– О том мои спутники сами расскажут тебе, о любопытная девица, ибо по договору они за свою свободу должны славить меня всякому, кто захочет слушать.

Так с песнями и шутками прикатили они в Кэрримюр. Телегу и веселую компанию молодежи пришлось оставить: улицы были широки, но народу слонялось так много, что проезда не было. Ремли бросил несколько монет своим людям, чтобы они подыскали ночлег, и продолжил верхом и в одиночку пробираться к главной площади.

Перед ратушей стоял небольшой помост, занавешенный холщовым занавесом, раскрашенным на манер декораций. Рядом стояли кибитки актеров. За занавесом кто-то играл или – по мерзким звукам нельзя было с уверенностью о том судить – думал, что играл, на волынке. Ремли спешился и привязал лошадь у ратуши.

– Ей, деревенщина, нельзя оставлять здесь лошадь! – окрикнул Ремли старик в пышных одеждах, с серебряной цепью и медальонами на груди. – Это же ратуша!

– Кто вы, о громогласный фонтан недовольства, изрыгатель брюзжания, чья глотка достойна состязаться с дырой святого Патрика?

– Я – шериф лорда Шелло. Его власть и слово в этой земле, – с достоинством представился старик, не сказав, тем не менее, своего имени. – Твои слова пусты, как тыква, что ты до поры носишь на плечах, поэтому, коль не хочешь обвенчаться с веревкой, забирай свою жалкую клячонку и катись, откуда пришел.

Ремли понятия не имел, что значит шерифская должность, но решил сойти с зыбких песков изысканных взаимных оскорблений, в которых так легко увязнуть, на более твердую почву разумных доводов.

– Вот достроите эту каменоломню – поведем разговор, – ответил в свою защиту Ремли. – А пока это не ратуша, а две стенки, стыдливо прикрытые лесами.

– Как ты посмел, без недели висельник, так отзываться о великом творении лорда Шелло, которое в дар нашему селу строится вот уже двадцать лет!

– Я смотрю, вы с лордом Шелло наметили жить вечно, ведь иначе не видать вам всей постройки, которая уходит под землю быстрее, чем вы кладете камни сверху.

– Вот вернись с солдатами, будешь зубы скалить, болтаясь на сосне, – пригрозил старик, разозленный пренебрежением со стороны пришельца, которое уже привлекло внимание жителей и вызвало в сторону шерифа немало смешков.

– Бери с собой побольше, в прошлый раз со мной трое не управились, а здоровы были – ух! Не в пример тебе, мухомор болтливый, – не удержался Ремли напоследок.

Оставив кипящего от злости старика у недостроенной ратуши, Ремли пошел в толпу, намереваясь протиснуться поближе к помосту. Вялая музыка за занавесом медленно набирала темп, нарастала и ускорялась, подготавливая зрителей к скорому началу представления.

Загремели свежей телячьей кожей тугие барабаны, волынка вдруг оставила позади унылые завывания и подхватила их быстрый ритм. Из-за цветного занавеса с нарисованными облаками да заливными лугами появились на сцене два актера – один одетый в обычный мужской костюм, другой – в суконном сарафане пастушки, его девичий образ довершали нелепый русский парик на голове, который заканчивался похожей на мочалку косой, и щедро намалеванные румяна на бледных щеках. Музыка резко оборвалась, давая актерам слово.

– Добро пожаловать в обитель муз, добрые селяне! – начал актер в мужском одеянии, после чего оба актера поклонились, сорвав первую порцию хлопков, смешков, улюлюканья, адресованных в первую очередь разряженной красотке.

– В преддверии драмы, что мы покажем завтра, сегодня позвольте усладить ваши сердца любовной поэмой. Провансальские трубадуры, открывшие нам этот жанр, зовут свои песни «альба», что значит «заря». В землях Фрисландии эти песни зовут *tagewise*, то есть утренними. Мы исполним вам утреннюю песню, известную как Песня трех трубадуров и которая за излишнюю фривольность была запрещена самим Папой особой папской буллой «Против актеров», на что вам, добрые жители Шотландии, начхать, наплевать, высморкаться, а порой и более!

Добрые жители Шотландии посмеялись над шуткой, а актер начал выстукивать ногой ритм. Когда зрители притихли, он крикнул: «Музыка!» – и за подхватившими ритм музыкантами начал читать стихи:

*Идя через селенье, минул я сеновал
И деву молодую у стога повстречал.
Час близился к закату. Я ей сказал: «Привет!»
Улыбкой лучезарной одарен был в ответ.*

*И сердце встрепетало в моей груди тогда,
Сказал: «Как вы жестоки со мною, госпожа!
Меня вы покорили, о нимфа юных лет,
Хочу возлечь я с вами, что сил держаться нет!»*

*Но краской не зарделась прелестница моя,
Сказала: «Расскажите всё, что я знать должна!»
Сказала, что слыхала от опытных подруг:
Актеры молодые не распускают рук,*

*Они милы и нежны, обходчивы всегда,
И с тем она зазвала на сеновал меня.
Ее за стан я поднял и в сено положил,
Себя ей посвятил я, и был, как мог, я мил*

Занавес, застряв посередине, наконец открылся, и в глубине сцены зрители увидели декорации, призванные воссоздавать в воображении публики атмосферу сеновала. По сути же сеновал составляли небольшой стог сена, куда актер положил свою румяную, длинноволосую «преlestницу», невысокая лестница, ведущая к карнизу занавеса, и коса с поддельным деревянным лезвием, покрашенным под железо серебряной краской.

Приобняв взвизгнувшего необычно тонким голосом женоподобного партнера, актер лег с ним в стог и продолжил песню:

*Увы! Оцепененье сковало нежный стан,
И потонул в стесненье ее любовный жар.
До ночи говорил ей я сладкие слова,
Светила через кровлю нам неполная луна.*

*Канцоною о Розе не тронул струн души —
Монахиней лежала она в ночной тиши,
Ни миф об Афродите, ни Клеопатры сказ
Не воскресили в деве утраченный экстаз.*

«Дева» довольно натурально изображала мягкое сопротивление покусительствам уха-жера и останавливала все его посягательства на ближних подступах к своим набитым тряпками грудям, тем не менее не ограничивая поклонника полностью. Публика застыла в ожидании, актер же вскочил со стога и, добавив трагизма, запел третью часть песни:

*В отчаянье пришел я: ужели так я плох?
И из груди прорвался моей печальный вздох,
Но я собрался духом: актер я или нет?
Ключ к публике холодной – известный мне секрет.*

*В последнюю атаку пошел я, водрузив
Калигулу на флаги и Мессалины пруть,
Разврат былого Рима поведал откровенно
И по дыханью понял: послал стрелу я верно.*

*Вдруг чудо превращенья сошло на сеновал:
Как совлекает платье, я робко наблюдал,
Сняла порты, рубаху – я оказался наг,
Так быстро обнажился я разве что во снах.*

*Вошел я сразу в силу: стал крепок, как Приап,
Сказала дева: «Милый, скорей со мной возляг!»
Сомкнула вежды крепко в плену любовных пут,
И томный стон сорвался с приотворенных губ.*

*Такое представленье давал я не впервой,
Но как юнец поддался я страсти с головой.
Я много постарался и многое успел,
Вы точно не видали таких сплетений тел.
Роса покрыла травы, восход сменил закат,
Вчера я был актером, а нынче – акробат!*

Актеры скинули часть костюмов, оставшись в белом, во многих местах штопаном белье. У ухажера в паху появилась незаметно вставленная палка, наглядно демонстрировавшая публике его приапическое вожделение. Женоподобный партнер забрался на лестницу, ловко зацепился скрещенными ногами за верхнюю перекладину и опрокинулся вверх тормашками так, что его лицо оказалось на одном уровне с выпирающей палкой. Русая коса спустилась до земли, но парик держался крепко. Музыка застучала задорный марш, под который актеры изображали перевернутое совокупление. Публика начала хлопать и топтать ногами, подбадривая актеров, будто тем взаправду могло прийти в голову довершить начатое в невиданной позе дело до конца.

Довольно выразительно закончив на лестнице, «дева» расцепила ноги и проворно спустилась, пройдя от лестницы до стога несколько шагов на руках. Перевернувшись, она плюхнулась обратно в сено и стала жестами зазывать любовника, требуя продолжения, но у песни был другой конец. Актер, изобразив на лице утомление и отерев со лба несуществующий пот, бросил в толпу помогавшую ему палку и перешел к четвертой, заключительной части песни:

*Все деве было мало. Так жаждала она
Моей любви и ласки, что сила подвела.*

(Общий смех.)

*Едва она вздремнула, я тихо улизнул,
Упал в шатре бессильно, к приятелю прильнул...*

(Актер прилег на пол к музыканту, который опустил ради последней сцены свою волынку и загодя разлегся в противоположной от стога части сцены.)

*«Где тебя черти носят?» – спросил он сгоряча.
«Какие, в баню, черти! Богиня там была...»
Ему рассказ поведал ночной я без прикрас,
От сальностей проснулся и наш поэт на раз.*

*Он повелитель рифмы и счет ведет слогам,
Он записал поэму, что представляем вам.
Коль вам по нраву это – девицы то заслуга,
Коль получилось скверно – я с ней старался худо.*

Трое актеров встали со своих мест, взяли за руки и поклонились публике. Барабан продолжал стучать лихой плясовой ритм. Успех был ошеломительный. Ремли свистел и хлопал в ладоши громче всех. Шум стих, только когда опустился занавес. Разгоряченный представлением народ начал разбредаться в поисках новых увеселений, когда из-за занавеса выскользнула «падушка» и тоненьким голосом поблагодарила собравшихся:

– Благодарим добрых жителей Кэрримюра за теплый прием! Если же кто решит этой ночью воспользоваться вечной мудростью нашей песни, то не забудет он опустить пару монет в нашу корзину, чтобы и дальше мы несли слово любви по городам и странам! – Актер откашлялся и продолжил глубоким мужским голосом: – Хотя столько юных горящих глаз вижу я в толпе, что и без наших подсказок у них все сложится.

Представление закончилось. На поселок опустились сумерки. Ремли пошел к недостроенной ратуше за лошадью. Вместо лошади, которую увел шериф, его дожидались шестеро жал-

кого вида стражников. На их кислых физиономиях читалось, что вправлять мозги очередному задире – последнее дело, которым им хочется заниматься сегодня вечером. Они лениво разглядывали толпу, ища того, кто походил бы на описание, оставленное «болтливым мухомором»; обо всех словах, которыми Ремли успел обложить шерифа, стражники узнали от зевак и находили некоторые сравнения весьма меткими, что, впрочем, не могло изменить их твердой решимости повязать острослова и доставить на расправу к шерифу.

Ремли решил пока не объявляться перед стражей. Ничего любопытного и интересного перебранка со стражниками не сулила, а схватить его им было по силам. Оставлять стражу слоняться по городу тоже было нельзя, поэтому Ремли решил вступить с ними в переговоры, а чтобы они проходили по-честному, он сбегал за помощью к постоялому двору, где прождалась его новая компания. Все деньги его бывшие пленники отдали за постой, выпить им было не на что, и они, скучая, коротали вечер за правкой оружия, которое должно завтра отправиться на продажу. Ремли зазвал их за собой на переговоры.

– Я здесь оставлял пегую кобылку, – объявил Ремли стражникам, когда с поддержкой вернулся к ратуше, – не видели?

– Если ты ее хозяин, то нам велено задержать тебя и доставить в замок лорда Шелло для дальнейшего разбирательства, – ответил старший стражник.

– Доставить в замок лорда – это замечательное предложение, поскольку туда мы и собираемся. А ваш шериф, видно, решил нам помочь и проводил мою лошадь туда вперед нас. Какая проникательность! Он заслуживает самой сердечной благодарности, о этот заботливый человек, показавшийся мне при первой встрече непроходимым брюзгой, а на деле знает, чем расположить к себе добрых ратников. Однако же мы не торопимся покидать веселый Кэрри-мюр и отправимся к Шелло не далее завтрашнего вечера, посему вам я посоветую присоединиться к нам на празднике пива, музыки и любви, поскольку к вашему празднику веревок и плетей мы не торопимся.

Стражники приуныли. Шериф не говорил, что с наглцом – а по речам Ремли не оставалось сомнений, что он являл из себя первостатейнейшего наглеца, – будут еще четверо крепких, рослых мечников. Если вернуться с пустыми руками, то можно получить по шее обухом от шерифа, а то и от самого Шелло. В худшем случае, если лорд будет не в духе, можно получить по шее и мечом. Если же задеть Ремли, то можно получить по шее прямо сейчас, и в худшем случае тоже мечом.

– Эм, – с сомнением начал один из стражей. – А не ты ли в сродстве с Кривым Альбертом? – спросил он у одного из мечников за спиной Ремли.

– Кривой Альберт мой брат, – подтвердил тот, – он сейчас на службе Шелло, знаешь его?

– Знал, – ответил стражник. – Веселый был вояка, однако ж попался за воровством свиных окороков из господских подвалов. За это лорд утопил твоего брата в нечистотах.

– Давно это было? – спросил осиротевший брат.

– Месяца два минуло, – ответил стражник.

– Светлая память любителю окороков, – произнес Ремли и сложил руки на груди. Остальные сняли шапки и минуту стояли, молча смотря в землю. – Но время лечит любые раны, не дело предаваться долгой скорби, ведь два месяца уже прошло с той поры. Так что, пойдете гулять с нами? – спросил Ремли у стражников. – Если вернетесь без нас, вас самих, поди, в чем-нибудь утопят, а через пару дней мы придем в замок все вместе.

*Гони-ка прочь зевоту
И в Кэрримюр пляши!
Коль не был здесь в субботу,
Считай, что и не жил, —*

звучали на улицах веселые куплеты. Они растопили воинственность, и вольные солдаты, побратавшись со стражей, пошли гулять по городу. Надолго их не хватило, и с песнями они зашли в первый подвернувшийся кабак, под который по случаю праздника отвели общинный амбар. Внутри было просторно, холодно и не обустроено. Столов не было: только бревна, сидеть, и пеньки – ставить кружки. Зато с винокурни в амбар прикатили три пузатых бочки с пивом. Кружек не было. Ремли пришлось делить деревянную кружку с одним из стражников, который, как улитка, все носил с собой.

Чем больше Ремли пил, тем серьезнее становился. Пиво действовало на него наоборот, прогоняя веселье прочь. Он снова, как и утром после пробуждения, почувствовал, что теряет связь с миром, который показался ему прозрачной пленкой на глазах, пеленой, скрывающей от него нечто, лежащее за его пределом. Песни не будили в нем радости, лица девушек не поднимали волн вожделения, кружащиеся в лихорадочной пляске люди раздували в нем снежную пургу отрешенности.

Чтобы прогнать с души снежный морок, Ремли отправлял в рот кружку за кружкой, но без всякого результата. Ремли даже подумал, что спиртное совсем не имеет над ним силы, но, поскольку подумал он это после того, как свалился с устойчивого бревна, будучи не в силах на нем усидеть, есть основания полагать эту его мысль ошибочной. Зато благодаря выпитому ночь прошла для него без снов и происшествий.

Утром Ремли поднялся раньше всех и, недолго думая, отправился в замок лорда Шелло, о котором столько слышал. Дорогу он узнал у ранней пташки – здешнего пекаря, который, судя по опухшему лицу, вообще не ложился. Ему же Ремли передал, куда отправляется, чтобы те четверо смогли его найти, коли всерьез решили за ним увязаться, однако своих пленных, не по их вине, он больше не увидел. На субботу у них были грандиозные планы. У кого свидание в церкви, у кого – за мельницей, у кого – на старом кладбище, а в воскресенье Ремли в замке Шелло уже не было.

До крепости, где местный феодал коротал свои дни, было рукой подать. Выйдя за деревенские дома, Ремли увидел суровый дом рыцаря на холме, возвышавшемся за некошеными полями. Он, даже не вспотев, взбежал по пологому склону и поднялся под стены. Замок был небольшим каменным кубом, чуть выше вверх, чем по сторонам, но все же невысоким. Узкие бойницы в два этажа опоясывали толстые стены. До нижней, казалось, было рукой подать, но все ж без лестницы не добраться. Крыша плоская, с неровными защитными зубцами и деревянной дозорной башней. У ворот была разбросана куча оструганных бревен, валялись железные полосы, цепи, заклепки и множество столярного инструмента. Самих ворот еще не было, то, что должно ими стать, еще лежало на земле. Несколько мастеровых, постоянно отвлекаясь на охоту за надоедливym гнусом, лениво подгоняли брусья друг к другу.

Ремли прошел мимо них в первую залу. За входом, прислонившись к углу, в обнимку с алебардой стоял стражник в железных латах. Голова часового была опущена, лицо целиком скрыто под шлемом, через прорезь которого видна лишь темнота, но и не видя лица и закрытых глаз, было ясно, что он спал стоя, разве что не храпел. Ремли постучал костяшкой пальца по шлему, отчего зала наполнилась глухим звоном.

– Я тут! – отозвался стражник со страхом – не шериф ли застал его спящим на посту – и продрал прячущиеся в темноте шлема глаза.

– А я тут, – ответил Ремли, оглядывая залу, украшенную головами оленей, медведей и волков, которые с укором встречали входящих в замок страдальческим взглядом пустых глазниц.

– Ты кто? – спросил часовой, уставившись на незнакомца.

– Я – Ремли. А что с воротами? – махнул он рукой на возню плотников.

– Не видишь, строят, – буркнул стражник, так и не понимая, кто перед ним.

– А что со старыми? Вынесли? – Ремли приметил свежие следы на камнях створа.

– Вынесли. Теперь будут подъемные, а не распашные.

– Правильно, подъемные надежней, и ров выкопайте.

– Ты от землекопов, что ли?

– Меч не видишь? – спросил Ремли, показывая на свой пояс. Еще не хватало, чтобы его приняли за землекопа. К тем, кто владеет или хотя бы носит отточенный меч, уважения кругом больше, чем к тем, кто орудует заостренной лопатой.

– И куда ты? – продолжал расспрос часовой.

– За лошадь, пегая кобылка такая. Не пробежала?

– Так мы за тобой посылали вечером? Шериф, ратуша... – припомнил что-то такое стражник.

– Шериф не ратуша, а шериф, знать надо. А посылали, может быть, и за мной. Кого, прости за любопытство, посылали-то?

– Да человек шесть было, – окончательно очнулся стражник и на всякий случай перехватил алебарду двумя руками. Если это тот нарушитель спокойствия, о котором распинался шериф, – Мухомор, как его с того вечера стали величать за глаза, – то можно получить награду, если схватить его. Пусть потом рассказывает, что добровольно пришел.

– Ну ничего, эти ваши шестеро, может, еще объявятся. Я вчера только четверых убил, ну еще четверых пленил, но шестерых среди тех восьми не было, – заверил Ремли.

Стражник неожиданно для себя шумно сглотнул, и слова, которыми он хотел вселить в Ремли страх перед верными солдатами лорда Шелло, застряли у него в горле.

– Поперхнулся? Покашляй! – посоветовал Ремли. – О, да ты, я вижу, смельчак под стать тем, – усмехнулся он, подшивая к насмешке тонкое, но колкое кружево угрозы, – хотя те были росточком повыше – разумеется, пока при головах ходили, да в плечах косая сажень без вершка с полтиною. Ладно, куда идти-то к господам твоим представляться? Не провожай, я сам найду. Не лабиринт же у вас тут.

Стражник двинулся следом за Ремли, но тот услышал за собой лязг доспехов и обернулся.

– Эк тебя качает, – упрекнул он стражника и толкнул его так, что тот отшатнулся назад и припал спиной к своему углу, но теперь его прямые ноги стояли на шаг впереди. Стражник не мог двинуться. Так и застыл он, стоя на ногах, но не в силах из-за тяжелых доспехов выбраться из угла без того, чтобы упасть с позорным грохотом.

На второй этаж вела узкая лестница. Ремли поднялся, осматривая по ходу коллекцию палестинских сокровищ, привезенных кем-то из Шелло из дальних походов. Судя по скромности коллекции, Шелло или не имели той склонности к грабежу, что ославила иных рыцарей той эпохи, или им пришлось многое распродать.

Перед наскоро сработанной дубовой дверью дремал серый волкодав. Он вознамерился по доброй традиции, заведенной у Шелло, вцепиться Ремли в бедро, но прежде, чем успел претворить намерение в жизнь, получил от гостя такой пинок тяжелым сапогом, что пересмотрел свое мнение о гастрономических свойствах гостя. Ничего, подумал про себя волкодав, – если гость придется хозяину не по нраву, он еще подерет мясо с его ляжек, когда гость будет надежно связан.

Вежливый стук в дверь, недавно восстановленную после штурма, заставил завтракавшего Шелло нервно махнуть рукой, чтобы посмотрели, кто там.

– Кого несет нелегкая, – услышал Ремли знакомый скрипящий голос шерифа, ковылявшего к двери. Обычно это была не его работа – отворять двери, но по несчастью шериф оказался ближе всего, к тому же он единственный в зале не был одет в доспехи.

Дверь отворилась, и шериф лицом к лицу столкнулся со вчерашним обидчиком. Глаза шерифа округлились и двинулись вперед из орбит.

– Доброго утра тебе, о почтенное слово лорда Шелло! – поздоровался Ремли. – Дома ли все остальное, сиречь сам хозяин величественных чертогов?

– Это он! – завопил пораженный неожиданным визитом шериф и, забыв о том, какие страдания причиняла ему этим утром подагра, с прытью лучшего скорохода бросился к лорду под защиту латников.

Ремли вошел внутрь, поклонился лорду и осмотрел то, что с такой поспешностью назвал «величественными чертогами». Шелло грелся у недавно разоженного камина, рядом с ним валялись волкодавы. Поодаль, у очага, разложенного прямо на каменном полу, кашеварили латники. Их была дюжина, однако все выглядели помятыми и побитыми. Как и весь замок, они несли на себе свежие отметины недавнего поражения. Латники, и Шелло, и часовой провели эту ночь в доспехах. Они не вылезали из них всю неделю. Страх перед возвращением врагов заставил их пренебречь удобством мягких лож. При виде Ремли и от криков шерифа уставшие латники стали неуклюже подниматься, однако голос лорда дал им понять, что скинуть гостя с крыши он не торопится.

– Подойди, юноша, – призвал Шелло. Ремли послушался. Лорд был стар. Под доспехами нельзя было понять точно, насколько он стар, но то, что в железе он едва ли мог передвигаться, для опытного глаза было ясно. Шелло надел доспехи для поднятия боевого духа, чтобы разделить тяготы со своими людьми, с теми, кто еще остался. – Мы не славны в округе гостеприимством, так от кого и зачем ты пришел?

– По своему хотению явился к вашей милости, – ответил Ремли. – Шериф забрал мою лошадь, а мои люди говорили, что здесь сыщется дело для храбреца, стало быть, две причины имеются.

– Прикажи казнить его, – потребовал шериф, – он посмел...

– Историю с кобылой я не хочу больше выслушивать, – перебил Шелло. – Решаю: если Ремли выйдет из замка живым, то пусть забирает все, что считает своим.

– Но он дерзок и нагл, призвать его к ответу за нанесенное вашей власти оскорбление, – не унимался шериф.

– Бесстрашному свойственно забывать манеры, а без дерзости нет и удали, – рассудил Шелло.

– Мудрость правителя находится в столь разительном противоречии с тем печальным состоянием, в котором я нахожу его самого, что я готов не поверить глазам. Верно, мерзкие обманщики врут мне, не моргая, или мудрость больше не вознаграждается небесами? – ответил Ремли, отдавая должное старому рыцарю.

– Ты любишь болтать, поэтому я задам тебе вопрос. Если ответ мне понравится, ты будешь жить.

– Хоть предо мной не сфинкс, а что-то львиное в нем есть. Я слушаю, и внимаю, и, как сухой песок, готов впитать поток его красноречия.

– Моя ратуша в Кэрримюре строится медленно. С зодчими дело идет медленно, потому что они воруют все деньги, а без зодчих дело совсем стоит, потому что падают стены. Как построить ратушу?

– Шелло платит зодчим из своей казны? – уточнил Ремли.

– Так, – ответил Шелло.

– И казна собирается с налогов?

– Так, – снова подтвердил лорд.

– Тогда нет ничего проще. Переложите оплату ратуши на жителей Кэрримюра, снизив им налоги. Они сами найдут зодчего, чьи карманы не колодцы, и найдут каменщиков, чьи стены прочнее пирамид. Сделайте так, чтобы они восприняли это как особую честь, и в пять лет они возведут ратушу, достойную столицы.

– Речь не пуста. Я подумаю над этим, – ответил лорд. – Ты прошел первое испытание.

– Первое? Какое же будет вторым?

– В лесу, на границе с землями лорда Тоби, есть старая крепость. Ее нетрудно восстановить. Я хочу это сделать. Если оттуда гарнизон моих людей будет грозить землям Тоби, его племянники не будут так дерзко нападать на мой дом. Мы дважды пытались начать там строительство, однако никто не может провести в стенах ночь. Оба раза каменщики разбежались в суеверном страхе, и те, что находили дорогу к людям, были седы, как соль. В народе говорят, что там живет бессмертная ведьма. Так это или нет, но неудача постигла не только нас: лорд Тоби, равно мечтавший об этом гарнизоне, так и не прибрал его к рукам. Если ты так смел, то пойдешь туда, проведешь там ночь и во имя Господа положишь конец пересудам. Исполнишь, и я передам тебе под управление гарнизон, когда он будет закончен.

– Ведьма или нет, я исполню, – согласился с условиями Ремли.

– Она высосет твою душу, выцарапает глаза, вырвет космы, наматает кишки на ворот и посадит тебе в пустое нутро летучую мышь, которая будет управлять твоими членами, – злорадствовал шериф.

– С тобой это давно проделали? – подпустив сочувствия, спросил у него Ремли.

– Посмотрим на тебя завтра, – не поддался на шутку шериф.

Спускаясь с холма, Ремли оглядел Кэрримюр и дом Шелло. У него возникло чувство, что больше он их не увидит. То ли дорога из старой крепости уведет его дальше, то ли рассказы про ведьму сущая правда и ему не суждено покинуть таинственных стен.

Чем дальше Ремли шел в лес, тем больше убеждался, что все происходящее, каким бы странным ни казалось, имеет определенную цель, и эта цель находится в старой крепости. И лес, в котором он был первый раз, казался ему знакомым, и крепость он хорошо себе представлял, хотя никаких воспоминаний о ней у него не было. Удивительно, что у него вообще не было никаких воспоминаний о том, что представляла его жизнь до того мига, когда он нашел себя пару дней назад перед развороченной скалой. Все сложилось в единую картину, выкристаллизовалось в уверенность, что старая крепость была одной истинной целью. Не сама крепость, а то, что жило там, что народная молва окрестила бессмертной ведьмой, губившей одних и до полусмерти пугавшей других. Ткань реальности, истончившаяся и выветрившаяся вокруг Ремли, по мере приближения к крепости становилась плотнее.

Где это видано, чтобы шериф, или рив, как его звали в прежние времена, позволял себе лебезить перед заштатным рыцарем. Рив был ставленником короля, служил королю, был его представителем, уж он никак не потерпел бы такого пренебрежительного отношения ни от Ремли, ни от Шелло. Но шерифа и рива разделяли столетия, откуда же Ремли мог помнить ривов? Крестовые походы он тоже помнил, но тогда они были другими. Тогда рыцари не ходили воевать за настоящий Иерусалим, они искали Святой Грааль, чтобы построить второй Иерусалим.

Загадки множились, и все ответы были в старой башне. Почему в башне? Когда крепость стала башней? Ремли, не чувствуя усталости, рвался вперед, он перемахивал через бурелом, продираясь по кустарнику, карабкался на склоны, одолевал через брод горные речки, он миновал все препятствия с легкостью, будто парил над ними. Но как бы быстро он ни шел, старая крепость предстала перед ним не раньше, чем село солнце.

Круглая башня зияла проемами, пробитыми во время осады кто знает сколько лет назад. Камни давно поросли мхом. Вскрабкавшись наверх, Ремли через проем залез внутрь башни. Внутри было довольно места, чтобы пустить лошадь галопом, но не намного больше. Ремли ощутил усталость и, не найдя поводов для бдительности, прикорнул на досках, служивших для какой-то разбитой военной машины или для кровли. Судя по обломкам стропил, когда-то башню накрывала крыша.

Луна осветила внутренний двор, и Ремли проснулся от света, который бил ему в лицо. Молочный диск висел в небе, освещая все неестественно ярким светом. Ремли припомнил,

что две ночи назад луна была далека от полной, а фазы Луны – явление постоянное в своих последовательностях, которые хорошо изучены и не склонны к спонтанным изменениям.

Не было ничего странного в том, что в светившем не по календарю лунном свете он увидел ведьму. Он видел ее где-то раньше – в таком же лунном свете. Синее платье могло быть другого цвета, длинные темные волосы могли быть собраны, а не распущены, как сейчас, но женщина, которую он увидел в башне, была ему знакома. На языке вертелось имя, но вспомнить никак не удавалось. Словно они были старые знакомые, когда-то хорошо знавшие друг друга, но так давно не видевишиеся, что их память друг о друге истерлась до бессвязных обрывков вроде особой роли лунного света. Среди этих обрывков не было имени.

– Как тебя зовут? – спросил Ремли, устав от загадок.

– Пусть гость скажет имя первым, – ответила женщина, повернувшись к нему. Лицо было узнаваемо, но когда он знал ее, Ремли не помнил. Когда-то давно, где-то в истершемся и изгладившемся. Женщина, казалось, тоже тонет в смутном чувстве едва узнаваемого и с трудом пытается понять, кто перед нею.

– Я Ремли. Теперь я желаю слышать твоё имя, – потребовал Ремли.

– Ты не Ремли, – рассмеялась женщина. – Мы долго спали и забыли наши имена.

– Что ты тут делаешь?

– Если ты не помнишь настоящего имени, я должна тебя убить.

– Я Ремли, и ты можешь попробовать, ведьма.

– Ты никогда не называл меня так – и все же называл меня так тысячи раз.

Рука Ремли дернулась к рукояти сержантского меча, висевшего на поясе, но ржавые цепи, валявшиеся на досках, на которых он спал, подобно змеям обвили его запястья. Он и глазом не успел моргнуть, как оказался прикован к башенной стене, как Прометей к скале. Колдовство не испугало Ремли. Он почувствовал, что у него достанет сил сорвать ветхие оковы и дать бой, но ведьма через доспех впиалась длинными ногтями ему в ключицы. Для ее пальцев не было преград.

Едва пролилась кровь Ремли, как вспыхнул чудесный яркий свет – такой же, как позапрошлой ночью, когда он бежал от тролля и поднял первый попавшийся сук. Свет, чудесным образом появлявшийся всякий раз, когда Ремли грозила опасность, развеял чары, но в башне его чудесной силы было недостаточно. Ослепленная ведьма отскочила от Ремли, и кругом загудел крепкий ветер. На заклинание, защищавшее Ремли, имелось более сильное. Крылья тьмы протянулись от ведьмы и накрыли весь двор, заслоняя луну. Свет, исходивший от Ремли, забился под натиском черных крыл, и битва стихий обернулась настоящим ураганом. Когда буря улеглась, свет погас, и ведьма снова вонзилась ногтями в Ремли. Он потерял силы и понял, что спасения нет.

– Вспомни, кто ты, – услышал Ремли то ли голос ведьмы, то ли голос из своего сна и вспомнил, что умирал здесь таким образом много раз. Что этот живой сон повторяется бесконечно, однако сейчас что-то во сне было иначе. Умирая, он пытался понять, что же изменилось, и тут через волны тьмы он увидел меч, лежавший под камнями. При его виде вспышка ясности пронзила Ремли, и он назвал свое настоящее имя, которое до сих пор было скрыто от него:

– Я не Ремли. Я – Мерлин.

– Мерлина больше нет. Это сон, – не приняла его ответа ведьма.

– Сон для одних, кошмар для других.

Вместе с именем Ремли обрел силу. Больше не нужно надеяться на чудесный свет. Он сам и свет и тьма. Цепи рухнули с его рук, он оторвал от себя ведьму и швырнул на землю.

– Я вспомнил и тебя, Вивиана. – Новое имя искрой пронеслось в голове. Его возлюбленная, его убийца.

Ремли подобрал меч, таинственным образом прояснивший его память, и пронзил им ведьму. Раздался гром, и едва Ремли подумал, что стяжал победу в нелегком бою, крепостные стены обрушились и погребли победителя и побежденную под обломками. Лунный свет померк. С раздавленной каменной плитой грудью, задыхаясь и захлебываясь в собственной крови, Ремли понял, что не умирает, потому что смерти здесь нет, есть только лоскутный обрывок жизни, обрывок без входов и выходов, затерявшийся посреди океана небытия. Не было ни шерифа, ни Шелло, ни актеров, ни стражников, ни сержанта, ни пленников, ни тролля, ни драка. Среди множества образов, которые рисовали и расцветчивали этот лоскутный обрывок, но которых нигде по-настоящему не было, ему открылось и неизменно повторяющееся будущее, в котором он в полном здравии придет в чувство в лесу под той же развороченной скалой, что и два дня назад, если только время внутри этого отрывка можно измерять днями; он очнется без памяти, без настоящего имени, без представления о круговороте, в который его занесло, и все должно будет повториться заново, как тысячу раз до этого. В последнем Ремли ошибся. Сколько бы повторов ни было, выход всегда может быть. Солнце может миллион раз восходить на востоке и заходить на западе, оно может служить примером непреложного закона природы для жителей обширных стран, но достаточно зайти на несколько миль за полярный круг, чтобы убедиться в ограниченности этого закона, подтвержденного опытом вереницы поколений: порой солнце вовсе не поднимается, а порой вовсе не заходит.

Глава 2. Вся полнота власти

Прошла ночь, и Юроби окрасился рыжими цветами рассветного солнца. Минули еще одни короткие допельгангерские сутки. Король Тед с каждым днем все больше привыкал к новому ритму и к новому титулу. Он еще не чувствовал себя во дворце как дома, но он и дома не чувствовал себя как дома. От лучей восходящего солнца, опустившихся на кровать, Тед проснулся. Не открывая глаз, он перевернулся на спину и нащупал рукой пустое место справа от себя – Лимры на кровати не было; значит, как тяжело это ни прозвучит, пора вставать. Тед открыл глаза, привстал на кровати, отбросил шелковое одеяло и спустил ноги на пол, где его поджидали тапочки. Как и все кругом, тапочки были вершиной мастерства какого-то уважаемого местного ремесленника, который никогда не надеялся стать поставщиком королевского двора, потому что в Юроби никогда не было королей. Покои были убраны и обставлены со всей возможной роскошью, на которую Блоруд не жалел ни сил, ни денег.

Единственной вещью, которая доставляла Теду неудобства, были его наручные часы, хотя это были дорогие и придирчиво подобранные им по своему вкусу часы: вечный корпус из углеродного волокна на титановой раме, пуленепробиваемое антибликовое стекло, экран на старых добрых жидких кристаллах, самая точная и изощренная электроника Texas Instruments со множеством функций и настроек и последний писк атомного века – ядерная батарейка на тритии. Если и платить за наручные часы цену автомобиля, то только за такие. Тед рассчитывал, что коль скоро ему суждено погибнуть при ядерном взрыве, часы на его обгоревшей до кости руке будут, медленно покрываясь радиоактивным пеплом, верно идти положенным ходом еще с полвека, как тот чудесный воннегутовский компьютер, что сорок лет развлекал жертв катастрофы на Галапагосах. Тед никогда не думал, что чего-то в его наручных часах может не хватать, но часы, как совершенны ни были, не могли перестроиться на сутки иной длительности, чем были раз и навсегда запрограммированы на фабрике. У допельгангеров Тед каждое утро находил часы на семнадцать с чем-то и сбрасывал их обратно на ноль часов, ноль минут. Ни одни часы на земле не умели выполнять ту перестройку, которая потребовалась ему с переходом в другую вселенную. «Надо, обязательно надо в следующую побывку домой заскочить к парням из НАСА, – повторял Тед каждый раз, переставляя время. – Если где и искать подходящий хронограф, то у астронавтов, не могут же и они быть привязаны к двадцати четырем часам. И про фотоаппарат не забыть».

В углу, в самой темной тени, что была в королевских покоях, в странной йогической позе сидела Лимра. Она еще не сбросила ночную форму и сидела в образе Мистик. У Теда ушло немало сил, чтобы добиться от Лимры сходства с героиней комиксов, но результат того стоил. Коленопреклоненная Лимра занималась тем, что Тед называл медитацией. Внешнее сходство было и впрямь налицо, разве что Лимра нашептывала какие-то слова, какое-то послание, советуя кому-то пробудиться. Тед не вникал в ее занятия, он считал медитации, дзен, йогу, пилатес обычными женскими глупостями, на которые мужчинам стоит смотреть с миролюбивой, снисходительной улыбкой, если они не хотят получить в постели от ворот поворот. Особенности жреческой эзотерики не трогали его любопытство, тем более что сейчас его вниманием безраздельно владели серьезные королевские заботы.

Накинув допельгангерский халат, сшитый из бесчисленного количества брюшек каких-то смешных животных, тушки которых часто готовили к ужину, король постучал в небольшой гонг у звукопроводной трубы. Гонг звонил в комнате очень тихо. Лимра не замечала его, когда спала, да и спящий чутким сном Тед не замечал, когда в него звонила Лимра. Тихий звук каким-то образом усиливался в недрах звукопроводной трубы и на другой стороне, где стоял принимающий рупор, и теперь все знали, что король отошел ото сна и готов вернуться к делам. Самой важной особенностью инженерного чуда было то, что усиливался только особый звук

точно настроенного гонга, при этом ни одно слово, сказанное в королевских покоях, не могло попасть по трубе в уши, для которых оно не предназначалось. Даже если во всю глотку орать прямо в трубу, звук на выходе превращался в едва различимое клокотание. Тед, беспокоясь о неприкосновенности своей личной жизни, проверял это лично. Крикуном в том испытании был Ракх, которого он назначил в личную охрану. Кочевник и сейчас находился поблизости. Тед был уверен, что в эту минуту Ракх стоит за дверью и охраняет ночной покой короля.

Дежурство Ракх нес не один. Он заступил в караул вместе с Ланом. Они всю ночь сидели у дверей монарших покоев на раскладных стульчиках. Лан оказался в карауле не случайно. Ставленникам Блоруда король не доверял в полной мере, поэтому старался, чтобы в его окружении были представлены все силы: и неутомимый политикан Блоруд, и сибаритствующие маги Онри, и воины Юрибрина, и кочевники, а представительство жреческой касты он видел каждую ночь рядом с собой.

Лан с Ракхом, то и дело зевая после бессонной ночи, коротали время за игрой в степные нарды – главную и самую популярную азартную игру кочевников. Доска для игры парила в воздухе, Лан поддерживал ее заклинанием левитации. Каждый ход игрок бросал шестигранную кость, раскрашенную в три цвета. На кости было две черных грани, две красных, одна черно-красная и одна желтая. У каждого игрока было поле три на три клетки, каждая клетка была раскрашена в те же цвета, причем некоторые поля были выкрашены в два цвета. За каждый ход игрок мог поставить одну фишку на игровое поле, если цвет поля совпадал с выброшенным на кости. Целью игры было выстроить на своем поле возможно более сильную фигуру и побить ей фигуру, которая получалась у противника. В зависимости от правил каждая игра состояла из трех или пяти бросков. После того как кости были выброшены положенное число раз, игроки сравнивали, чья фигура, составленная из фишек на девятиклеточном поле, сильнее, и победитель награждал проигравшего щелбаном.

Лан играл первый раз и успел получить по лбу достаточное число раз, но в последнем розыгрыше ему везло. В первый раз Ракх выбросил желтый и занял очень важную центральную клетку, которую можно было заполнить, только когда выпадала желтая грань. Но во втором броске Ракху снова выпал желтый, но других желтых полей не было. Это обидное, как к одиннадцати туз, положение в степных нардах называлось опрокинутой телегой. Сильная фигура у кочевника при любом раскладе не выходила. Лан взял кость для третьего броска. Его собственное желтое поле надежно занято, и если он не попадет в такое же опрокинутое положение, то третий бросок Ракха даже теоретически не даст кочевнику шансов сравняться, и тогда Лан наверняка победит. «Только не желтый», – обратился Лан к небесам этой знакомой всем азартным игрокам беззвучной мольбой и выбросил черный. Лан поставил фишку, завершающую фигуру под названием глубокого колодца. Ракх взял кость и в третий раз подряд выбросил желтый.

– Кавалькада! – улыбнулся Ракх.

– Что еще за кавалькада?

– Три желтых подряд. Опрокинутую телегу подбирает моя кавалькада, и она бьет твой глубокий колодец. Я победил.

– Ты ничего не говорил про три желтых подряд, – возмутился Лан, сгребая фишки с поля.

– Забыл. Это редко бывает, но кавалькада бьет колодец, – серьезно покачал головой кочевник. – Я победил.

– В нижние уста тебе кавалькаду, – обругал соперника Лан. – Ничего не знаю. Не говорил – значит не считается. Так ты на все случаи будешь новые правила выдумывать.

Они заспорили. Лан решил про себя, что в следующий раз подкрутит кость заклинанием левитации. Ракх этого не боялся. Не в первый раз он играл с магами. Всем хорошим игрокам в степные нарды известно, что простенькой левитацией владеют многие шулеры. Специально против таких хитрецов кость Ракха была сделана из особого минерала, который не поддавался

магии. Почти не поддавался, сказали бы более знающие. Это был тот же минерал, который из-за его особых магических свойств жрецы допельгангеров использовали для создания печатей Баала; тех самых печатей, что до утраты Длани применялись в кровавых ритуалах, тех самых, что помогал готовить Лан. Молодой мастер печатей отлично знал, как заставить плясать даже эту непослушную кость Ракха, но их игра закончилась, потому что, едва король позвонил в бесшумный гонг, у дверей королевских покоев показался Блоруд.

Доска со всеми атрибутами игры мигом исчезла в чехле, который Ракх носил на поясе, и караульные поднялись навстречу первому королевскому советнику.

– Я к королю, – вяло кинул Блоруд стражам и дернул двери: заперто.

– О тебе доложить королю? – деловито осведомился Лан, пока Ракх мягко внедрил между Блорудом и дверью, отделяя волхва от королевских покоев.

– Обычно к королю я вхожу без доклада, – ответил Блоруд.

– Теперь будет иначе, – раздался за его спиной незнакомый голос. – Позвольте, недремлющие стражи, – с заигрывающим изяществом обратился тот же новый голос к караульным, – я доложу королю о визите его советника.

Блоруд непонимающе – будто стал жертвой неуместного, пошлого розыгрыша – обернулся в поисках наглого шутника. Кто, кроме короля, смел говорить ему, как король будет принимать его?

– Кто это? – спросил Блоруд у Лана, которого как мастера печатей немного знал еще по прежним делам.

– Новый стольник, – ответил маг. Видеть грозного Блоруда, который даже после падения с волховской высоты дерзал на равных перекидываться заклинаниями с Онри, отступающим перед едва созревшей дворцовой шишкой дорогого стоит. – Теперь ведет всю дворцовую рутину.

– Каризоах, – вспомнил Блоруд имя нового стольника. Он часто видел его в цитадели, где тот ходил тенью за Самих-Арду. Раньше в Самихе, во времена, предшествовавшие Разгрому, Каризоах был казначеем, Блоруд встречал этого городского управленца на форуме, но как тот разговаривает, волхв слышал впервые. Блоруд не преминул мстительно это подметить: – Знакомое лицо, да чуждый слуху голос. Раньше ведь при мне ты не смел рта раскрыть, – разделался Блоруд со стольником, и Каризоаху пришлось стерпеть укол. Замечание было правдиво и оттого жалило вдвое сильнее. Блоруд для видимости смягчился: – Но что ж, новые порядки, новые выдвиженцы. Иди, стольник, доложи королю, коли долг велит. Передай, я ожидаю его в брифинг-зале.

«Брифинг» было одним из ряда слов, которые допельгангерам пришлось разучить, чтобы понимать идеи Теда. В отличие от многих других *тедизмов*, «брифинг» в их языке приживется и будет здравствовать даже после того, как чужеземный король покинет их мир.

Волхв ушел, оставив стольника со стражей. Впервые Блоруд почувствовал, что его план не так замечательно воплощен в жизнь, как ему поначалу казалось. Как-то незаметно он оказался оттеснен от своего коронованного ставленника многочисленной прослойкой допельгангеров, которым он не отводил никаких мест в своем плане. Конечно, пока его влияние на Теда было безраздельным, но коль скоро он лишится постоянного доступа к королю, у него не преминут завестись и другие советчики да наушники.

– Отворите западные покои ночного отдохновения королевской четы, – попросил Каризоах. Это выпретенное название для спальни породила барочная фантазия стольника. Остальным, даже королю, пришлось с этим смириться.

Лан с Ракхом взяли серыми пальцами за ручки дверей и отперли перед королевским стольником западные покои. Заклинание, которым запирались двери, было составлено Онри по личному проекту Теда. Створки открывались снаружи только тогда, когда два ночных стража одновременно брались за платиновые ручки. Онри каждый вечер лично накладывала

волшебный замок, подходящий к рукам только тех двух стражей, которые заступали в караул. Лимра дополнительно укрепляла защиту изнутри, но ее заклинания оставались тайной для всех, ведь нужно иметь зрение Мельхиора, чтобы прочесть и распутать хитросплетения жреческих заклятий.

Получив свободный проход, Каризоах свободной рукой поправил чаши, стоявшие на подносе, который он держал в другой руке. Он нес обычное утреннее питье для высокой четы – большая чаша с питьем из бодрящих трав для короля и малая чаша с очищающим питьем для первой жрицы. Из-за тянувшегося бедствия и окончательного крушения прежнего порядка титул великой жрицы за Лимрой не приживался ни среди допельгангерской верхушки, ни в народе. До окончания Разгрома, возврата Длани и восстановления власти жрецов Баала отреченную от имени Лимру с чьей-то случайной оговорки стали именовать первой жрицей.

Тед, не дожидаясь, пока поднос окажется на столе, схватил свою чашку и отхлебнул.

– Горячо! – пожаловался он. – Чуть остудите в другой раз.

– Конечно, – принял к сведению Каризоах и выразил свои извинения мягким кивком головы.

– Первые новости? – спросил Тед, усаживаясь на банкетку перед столом.

– Ночь была доброй для наших отцов, потерпевших от Сорда. Самих-Арду обрел остроту взора и ясность ума, а Храсаван во сне вздохнул, что может говорить о скором пробуждении.

– Что там с ясностью? Подробнее.

– Увы, не имею знаний сообщить достоверно, слова лекарей туманны. Блоруд ждет встречи в брифинг-зале, советник будет рад озарить утро короля светом своей осведомленности.

– Чай будешь? – спросил Тед, громко обращаясь к темному углу, где сидела Лимра-Мистик.

Первая жрица плавно расправила члены, завязанные в сложную позу неясного назначения, вернулась из Мистик в обычную сероликую форму и кошачьей походкой вышла навстречу королю. Не стесняясь Каризоаха, она прошла мимо столыка и села Теду на колени. Угадывать желания короля было ей интересно. Тед заметно отличался от допельгангеров, но не от других людей, а ведь в угадывании людских страстей, помыслов, надежд и чаяний, всех движений души, которые их философы именовали аффектами, и состояла обычная игра, которую в своих перевоплощениях вели с людьми жрецы. Лимра знала толк в этой игре, хотя сама ни разу не посещала мир людей – по крайней мере, не посещала во плоти.

В отношении женщин Тед был собственником, но собственники бывают двух видов. Одни, как скупцы, любят запираить сокровище в сундук и радоваться обладанию в непроглядной темноте, вдали от чужих взоров. Другие, наоборот, любят напоказ, они цепляют драгоценности на себя, носят их без стеснения, срывая завистливые взгляды. С них станется даже отдать кому-нибудь любимую вещь, чтобы показать, что их обладание простирается так далеко, как только возможно. Тед относился ко второму типу. Он находил удовольствие в том, что Лимра показывалась Каризоаху, Лану, даже Онри, и Лимре было легко дать ему это удовольствие. Особую утонченность игре придавал королевский обычай, который поджидал в конце всех этих повелителей, пока Абруд Сорд грубо не порушил высокую гармонию древних традиций, пришедшуюся ему не по вкусу.

Каризоах только получил назначение и впервые видел Лимру в чем мать родила. Обычно это зрелище доставалось непроницаемому Блоруду. Возможно, именно из-за мраморно-ледяного спокойствия волхва, которое овладевало Блорудом, едва он покидал человеческий облик, Теду незаметно и стукнуло в голову завести для подношения утреннего питья другого, более живого допельгангера. Этот мотив смутно угадывался Лимрой, но Теду, чтобы признать такую мотивацию в назначении Каризоаха, потребовался бы год глубокой психотерапии

на кушетке аналитика, а мозгоправов он не посещал с тех пор, как проходил обязательный для пилотов ВМФ миннесотский личностный опросник.

– Кто еще придет? – спросил Тед, глядя в незастекленное окно, через которое открывалась вся северная часть Юроби. В двух местах над городом поднимался дым. Это горел кремнесмол, который до сих пор не могли потушить. Сам кремнесмол горел без дыма, но когда его накрывали или заливали водой, он, как торф, продолжал гореть и тлеть даже под слоем воды, закупоренный обсидиановыми блоками, и медленно прожигал путь наверх.

– Кломвар и Юрибрин... – ответил Каризоах, разглядывая Лимру, как неизвестный редкий цветок.

– Пора браться за дело! – воскликнул Тед и вскочил, столкнув Лимру с колен.

– ...прибудут скоро, – закончил стольник.

– Ну если прямо сейчас, кроме Кломвара, меня никто не ждет, то успеем с бритьем. Позови, – распорядился Тед, и стольник, распахнув двери, позвал слуг и брадобрея.

В пять минут комната была убрана, постель застелена, Тед умыт и чисто выбрит, Лимра одета в жреческий наряд. На выходе Тед отпустил со смены Лана, а Ракха взял с собой. Он больше не ходил без провожатых даже по собственному дворцу. Пройдя открытой галереей в другое крыло, Тед ступил в брифинг-залу. Кроме Блоруда, возившегося с письменными распоряжениями за яшмовым столом, в зале был только художник.

– Как поживает карта? – спросил у него Тед, полагая, что Блоруду может потребоваться минутка, чтобы дойти до точки и не обрывать писанину государственной важности посреди предложения.

– В меру пожеланий короля, но не превосходя скромных способностей творца, – оторвался от работы художник.

С картами была беда. Их, по меркам Теда, у допельгангеров вообще не было. Когда он захотел взглянуть на карту, ему показали множество изображений: на разукрашенных стенах, на паркетных полах, на мозаичных потолках, на витражах цветного стекла, на столешницах, на гобеленах, подносах, пополах, плюшевых игрушках. Все карты противоречили друг другу в деталях. Их создатели соревновались не в точности, с которой карты отражали области и территории, а в художественной красоте городов и достопримечательностей. Почти все полезное пространство карт занимали города, рек было мало, нанесены они были как попало (кому, кроме рыбаков, вообще интересны реки, ведь торговля по ним не ведется), никакого представления о расстоянии сделать по этим картам было невозможно. Первым делом Тед взялся за составление точной карты. Ему нашли художника, по мнению Блоруда, паршивенького, потому что Юроби никогда не славился искусствами. Когда художник, ошалев от чести рисовать карту королю, взялся делать ее в традиционной манере, Тед распорядился его прогнать. Однако тот так расстроился, что вознамерился совершить нечто, что Тед из объяснений понял как некое добровольное изгнание с целью самоубийства, местное культурно обусловленное хакакири с остракизмом. Беднягу пришлось вернуть и, жестоко исковеркав его представления о прекрасном, все-таки вдолбить в него новые требования к карте.

В брифинг-зале под картографический проект освободили большую стену, которую затянули белым холстом. У художника отобрали все краски и кисти и под страхом вторичного отстранения запретили к ним даже приближаться. Оставили ему только тушь двух цветов: черную для городов и дорог и синюю для рек и вод – да несколько стальных перьев. Расстояния между городами были приближенно высчитаны по путевым листам торговой палаты, по тем же листам составили список всех малых городов, сел и деревень. Все это художник, вооружившись мерной линейкой, теперь старательно наносил на карту, соблюдая требования масштаба и ориентации на север. Карта в готовом виде не даст представления о рельефе и возвышенностях, которые были так необходимы королю для планирования эффективных тактических операций, но Тед надеялся, что хотя бы леса получится нанести.

– Это что? – спросил у художника Тед, тыкая в Радманту.

– А-а-академия магов, – пробормотал художник.

– Я тебе говорил, еще одно строение нарисуешь, вылетишь отсюда. Во-вторых, она разрушена, а ты целую нарисовал.

– Простите.

– Больше ни единой архитектурщины. Лучше бы разузнал все мосты и переходы через реки. Я слышал, – повернулся Тед к Блоруду, – Самих-Арду показал улучшения.

– Да, король первым в курсе всех новостей, – ответил Блоруд.

– Я рассчитывал на уточнение по его состоянию.

– Добавить могу немного, – поднялся Блоруд. Каризоах знает, как заваривать травы, сколько остужать их до верной теплоты, какого молока туда плюхнуть для пикантности, но пока его сплетни не заменят Теду сводки Блоруда, можно не беспокоиться за утрату влияния. – Самих-Арду очнулся ото сна, проявил способности узнавать лица, сохранил твердую память о последнем и выказал живой интерес к ходу осады, каковому, узнав об отступлении Сорда, оказался несказанно рад.

Хорошая новость. Если вернуть старикана на управление Юроби, Тед сможет больше сил отдать стратегическому планированию.

– Когда ожидается его выздоровление?

– Боюсь, на это рассчитывать не приходится. У Самих-Арду неизлечимо поврежден позвоночный столб, поэтому до конца он уж не поднимется с больничного ложа.

– Если это единственная травма, то можно же сделать ему кресло, в котором его могут носить, – предложил Тед. Почему Блоруд так тягостно говорит о Самих-Арду, который всего лишь лишился способности ходить.

– Здесь дело не в самой способности к самостоятельному передвижению и ее утрате, которая, как король мудро заметил, может быть заменена переносным креслом, а в наших глубинных различиях с людьми в отношении смерти, которая для нашего народа протекает не в точности так, как у людей.

– Тогда в двух словах, Блоруд, – попросил Тед, требовательно вращая ладонью так, будто хотел вычерпать из Блоруда новую справку. При этом краем глаза он заметил, что Юрибрин и Кломвар уже стоят в дверях и дожидаются, когда их пригласят присоединиться к беседе.

– Как король уже проницательно замечал, у нас почти нет лекарей и домов по уходу за больными, однако это проистекает не из-за нашего пренебрежительного отношения к здоровью, а оттого, что это понятие нам неведомо, мы постигли его лишь из наблюдения за животными, и за людьми, и за теми, кто между ними. Наши тела имеют иную связь между болезнью, старостью и смертью, чем человеческие. Наши тела в молодости вовсе не подвержены болезням, поэтому необходимости в средствах лечения мы не испытываем, поскольку обычные раны легко поддаются восстановлению заклинаниями. Болезни же являются к нам только в весьма преклонном, по вашим меркам, возрасте, когда всякие усилия отвратить их становятся бесполезными, когда все средства и даже сильнейшая магия не продлевают жалкое состояние болезни более чем на считанные дни. Мы наслаждаемся долгим веком здоровья и коротким моментом угасания, предшествующим смерти. Самих-Арду приблизился к этой черте. Все его последнее силы были растрчены на то, чтобы выжить под обломками и насладиться светлой новостью о том, что его усилия по защите города были не напрасны. Теперь же он вступил на дорогу Баала, наш последний путь, который обычно занимает от одного дня до недели и позволяет старикам сделать последние распоряжения. Мы можем вместе отправиться к нему, я как раз собирался навестить его после брифинга, тогда он сам просветит короля о своем положении.

Что ж, пусть так, можно будет самому посмотреть. Тед махнул рукой, приглашая Кломвара и Юрибрину.

– Помогите расставить демонов, – попросил Тед и пнул ящик, наполненный булавками с черными обсидиановыми головками, которые заказал, чтобы пометить ими занятую врагами территорию.

Все трое приступили к размещению демонов, а Блоруд, скрестив руки, пристроился рядом, чтобы не упустить, если кто-то вздумает шептаться с королем без его ведома. С булавками он не мог помочь: места у карты едва хватало для троих. Художника прогнали в другой угол вычерчивать дороги в свободных от Сордовой чумы землях.

– Фотографии, Блоруд! – потребовал Тед. – Не стой! Сделай себя полезным.

Из секретной самоуничтожающейся папки Блоруд извлек пачку отпечатков, сделанных Тедом во время недавней аэрофоторазведки.

– Наблюдаем ли шаблоны передвижений? – поинтересовался Тед, когда часть фотографий была перенесена на карту в виде булавок.

– Они просты, – ответил Юрибрин, быстро подхвативший от короля язык, его методы и зачатки стратегического мышления. – Они ходят по тореным дорогам, по запаху или следам. Река для них является преградой, но они могут пересекать воду. Находя место, где можно пожить, демоны двигаются туда, поэтому мы ощущаем постоянное давление на Юроби. Уничтожаем пару дюжин каждый день, но наш передний фронт надежно бьет их на дальних подступах.

Доклад Юрибрина отражал то, что Тед уже знал. Пользы в нем не было, но доклад подтверждал, что Юрибрин мыслит как он, а найти единомышленников там, где вовсе нет людей, большое благо. Тед предложил стратегию:

– Я выделил наше преимущество перед Сордом. Имея четкое представление о передвижениях противника, мы можем перейти от статической обороны Юроби к динамической обороне всех малых населенных пунктов и гражданского населения. Это даст нам сохранить, восстановить контроль над значительной территорией. Возможности вести прямую разведку будут расширены. И конечно, мы сохраним области аграрного и промышленного производства. Координация мобильных артиллерийских батарей налажена?

– Лучше не бывает, – отрапортовал Юрибрин. – Группы прикрытия, эшелонированное снабжение, связь. Все работает.

– Работает при тебе. Нужно наладить так, чтобы работало без тебя. Ты нужен мне в штабе. Возьми снимки, нужно посчитать точно, сколько демонов мы имеем с нашей стороны реки. Топливо заканчивается, вылетов больше не будет, сэкономим остаток для экстренной ситуации. Несколько сотен демонов на первый взгляд, но их может быть и несколько тысяч.

– Посмотрим, я найду, кто пересчитает, а батареи сейчас работают без меня. Что делаем сегодня?

– Рассчитываем, на сколько малых поселков хватит батарей, и проводим полевое испытание. Как называется это место? – Тед показал фотографию.

– Осимин, – буркнул Кломвар, не находя себя полезным. Эти двое говорили на какой-то тарбарщине.

– Что там есть?

– Полторы тысячи жителей, – начал перечислять Блоруд, полжизни промаявшийся в Юроби и как свои пять серых пальцев знавший окрестности. – Скотоводы, скорняки, шорники. Одна пивоварня, но коров и пиво мы забрали до осады. Половина жителей тоже сбежала и сейчас бродяжит по нашим улицам.

– Пора вернуть их по домам. Пять батарей достаточно? – спросил Тед.

– Восемь, – увеличил Юрибрин.

– Шесть, – согласился Тед. – Пошли туда шесть укомплектованных батарей. Удержим Осимин, получим хороший плацдарм для артиллерийского парка, но дальше пока не углубляемся, не растягиваемся и не зарываемся. Остальные батареи пусть отдыхают на занятых

позициях. Шесть в Осимин идут сегодня, остальные начнем маневрировать завтра. На сегодня от тебя все. Завтра на брифинг в то же время.

– Что мне делать? – спросил Кломвар, когда Юрибрин ушел выполнять приказ по Осимину.

– Думать, генерал, думать, – ответил Тед, не отвлекаясь от булавок. – Мне нужен стратег. У нас от кочевников куча рабочей силы, которая не нужна в городе и только мешается, улицы запруживает. Что мы можем с ней сделать?

– Заставить что-нибудь делать, – подумав, ответил Кломвар.

– Куда разместить и что именно делать? Ответ жду к вечеру. Пусть они у тебя дороги, что ли, строят. Нам бы спрямить тут, тут и тут, здесь хорды провести. – Палец Теда бегло заносился по карте. – Что по движению воды? – вопрос относился к Блоруду. Он что-то знал о том явлении, которое надвигалось на Юроби, но вытянуть из него хоть что-то было нелегкой задачей.

– По уточненным данным, – Блоруд начал с излюбленного оборота короля, – первые плодородные земли окажутся под водой через неделю. Сейчас береговая линия проходит здесь.

Блоруд махнул рукой, и часть карты покрылась волшебной тенью.

– Что с предполагаемым противником? – Тед никак не мог добиться точности по «тварям морским». Кто-то их где-то видел издалека. Кто-то кого-то видел вблизи, но был вероломно сожран в неравном бою. От кочевников по части разведки было мало проку. О том, что несет с собой морская вода, ходили только слухи, зато те были один другого жутче.

– Пока нет уточненных данных. Я работаю над этим, но не знаю как. Без светлой идеи не разобраться, – притворно сдался от якобы непосильной задачи Блоруд.

Самолет тут не годится. Тед уже пробовал. Фотографии воды получались неразборчивыми. Что бы ни бороздило подступающий океан, оно ловко маскировалось даже на мелководье.

– По Сорду есть? – Тед подошел к самому главному. Блоруд за удивительно короткий срок организовал и поместил себя в центр настоящей паутины подпольных информаторов из числа перебежчиков, среди которых было немало прежних высокоранговых допельгангеров, отличавшихся повышенной паранойей и скрытностью. Без Блоруда, умевшего их отыскивать и, что более ценно, заставить говорить, такая агентура была бы невозможна.

– Абруд Сорд в прострации, – принялся за главное королевский советник. – Он не принимает решений и, с тех пор как утвердил управление подвластными городами, не ведет значительных дел. Говорят, он не в силах влиять на воду. Если это его рук дело, то он утратил дорогу власти над приближением воды и его землям она угрожает не меньше, чем нашим. Поговаривают, что он в разладе с силами, которые стояли за ним и привели его под наши стены. Возможно, что он скоро утратит и власть над демонами. Я бы никогда не посчитал, что угроза от Сорда заслуживает пренебрежения, но нахожу, что сейчас опасность со стороны Самиха стала меньше, чем мы привыкли ожидать. Говорят, самозванец размышляет над замирением, хотя не решителен в условиях и подвержен метаниям, в чем я, однако, сомневаюсь, ибо Сорд – один из самых одиозных и противоречивых магов. Его разум не уступает его Искусству, посему его пути неясны тем, кто заметно уступает ему в силе ума, но берется о них рассуждать. Хочу повторно испросить короля на разрешение пыток к тем, кто заподозрен в связях с противной стороной, ведь как мы имеем уши в Самихе, так и Сорд обладает лояльными сподвижниками в нашей столице.

– Если мне потребуется тайная полиция и политический сыск, я их заведу, – снова отказал советнику Тед. – Пока занимайся сбором сведений в установленном порядке. Если все так, то наши гарантии безопасности гражданским повернут многих в нашу сторону – если мы сможем такие гарантии предоставить. А для этого батареи должны работать. Утренний брифинг окончен.

У дверей залы к королю снова прилип Ракх.

– Когда подавать обед? – выплыл из-за угла услужливый, как официант в Астории, Каризоах.

– Сегодня я обедаю у Онри, – отказался Тед.

– Ваши гости будут огорчены, – заметил стольник.

– Перенеси их на ужин. Возможно?

– Разумеется. Решение таково многомудро, мой король, и еще больше растрожит их воображение.

– А что за гости? – Тед не помнил, чтобы кого-то приглашал.

– Верные граждане Юроби и Самиха. Я получаю множество прошений на аудиенцию и взял на себя ответственность составить список самых достойных. Королю хотелось бы взглянуть?

– Да, можно. А черт! Потом, потом, – король замахал руками на стольника. – Я совсем забыл. Блоруд! – поворотился Тед обратно к брифинг-залу. – Мы же идем к Самих-Арду? Сейчас?

– Сию минуту. – Волхв поднял со спинки стула запыленный чешуйчатый плащ. – Подай одежду королю! – резко приказал Блоруд стольнику, и тот поспешил подготовить короля к выходу.

– Заложить королевский экипаж? – уточнил Каризоах, прежде чем испариться.

– Нет, мой уже ждет, – ответил вместо короля Блоруд, задумавшись, откуда у Каризоаха взялся королевский экипаж.

– Ты будешь на ужин? – спросил Тед, когда они вдвоем спускались по ступеням дворца к парадному входу.

– Не сегодня, – без объяснений отказался Блоруд. Спрашивать причину было бесполезным, но советник никогда бы не пропустил ужин по незначительным делам, ведь там он мог влиять на мнение короля, которое сложится у него о гостях. Такое Блоруд по своей воле не пропустил бы.

Где-то за спиной неслышной походкой опытного охотника шел за королем Ракх.

Король с Блорудом шли к двери кратчайшим путем, но все же Каризоах успел их предупредить и подготовиться к отбытию начальника. У парадной двери слуги накинули на короля пурпурную накидку и обули в сапоги.

Король с советником сели в карету, запряженную двумя дорожными рафами. В упряжь Блоруд ставил не обычных глобков, а кастрированных, иначе говоря – рафов. Глобки были ящерами, их половые железы находились глубоко внутри тела, поэтому обычная для лошадей операция на глобках была сложна и из-за риска заражения часто неудачна. Кастрация глобков практиковалась редко и в разы поднимала стоимость животного. Рафы жили на несколько лет дольше, легче тянули на длинных переходах, где глобки своенравничали от монотонности, и их проще было откормить перед зимой.

Хлопнув себя по лбу, Тед выскочил из кареты. Столько дел, он постоянно что-нибудь забывал. Он жестом подозвал Ракха.

– Ты сейчас к своим? – спросил он охранника.

– Нет. Я хотел отдохнуть во дворце перед ночью.

– Возьми пару дней отдыха, ты мало спишь, и дело к тебе есть. Могу я ваших кое о чем попросить?

– Мы с радостью исполним все, что не угрожает нашей вольности и не нарушает скрепленный договор.

– Подыщите мне место для авиабазы. Это должна быть ровная возвышенность подальше от воды, часах в двух от Юроби, не дальше. – Тед прикинул, что наступает время браться за дело с размахом.

– Мы пройдем степи тысячей ног и найдем тебе место, – ответил Ракх.

Ракх изобразил рукой сложный охотничий код, и один из кочевников, ошивавшихся у дворца, прыгнул на запятки кареты. У Ракха было четверо братьев, которые подменяли его. Тед нырнул обратно в карету, и кучер Блоруда тронул вперед. Сидевший спереди слуга Блоруда стучал молоточком в полу трубу, разгоняя с дороги сонных жителей. Самых медлительных выученные рафы отстраняли со своей дороги головами.

– Наконец знакомое лицо, – вздохнул Самих-Арду, едва Блоруд с королем вошли к нему. Бывший городской глава весьма удивился, видя, как черный волхв открывает двери перед человеком. Блоруд не расшаркивался и не стелился перед человеком, как перед завоевателем, но и такая перемена в манерах волхва показалась Самих-Арду удивительной. Он будто ставил человека выше себя, а это было... Слов у Самих-Арду не нашлось. Кто же был с ним в пурпурной накидке?

– Упреждая твое удивление, – обратился к Самих-Арду Блоруд, – представляю нашего нового короля – Тед Карвер.

– Приветствую короля, да светится ярко его звезда, – ответил Самих-Арду формулой, которой когда-то почитал всякий раз при встрече Абруд Сорда, формулой, которую не хотелось бы ему вспоминать снова. – Как ты это провернул? – спросил Самих-Арду волхва.

– Его выбрала первая жрица.

– Да, да. Она у тебя не высшая? Ладно, расскажите по порядку. Начните с ходячего кита. Как отвратили вторжение?

– Силой оружия, – ответил Тед.

Блоруд пересказал Самих-Арду события последних дней. По ответам Тед составил мнение о городском главе и пожалел, что не может заменить им Блоруда или хотя бы поставить во главе Юроби.

– Вернемся к делу, – оборвал беседу Тед, когда рассказ Блоруда начал увязать в деталях и уточнениях, появлявшихся в ответ на многочисленные вопросы Самих-Арду. – Мне доложили, что ты собираешься умирать здесь. Это так?

– Двери к Баалу открылись передо мной, впереди последние шаги. Путь брэнной жизни подошел к необратимому концу, – посетовал Самих-Арду, словно извиняясь перед королем за вечный закон природы.

– Это жаль. Твоя помощь мне бы пригодилась. Если найдешь силы, подумай в оставшееся время над продовольственным снабжением. Мы быстро теряем южные земли, а обеспечены на сто дней в лучшем случае.

– Мои последние часы в распоряжении короля, – с готовностью предложил свои услуги Самих-Арду.

– Я пришлю тебе своего личного помощника, – пообещал Тед. Блоруд показал удивление, слегка повернув голову в сторону короля. Что еще за личный помощник? По правде говоря, Тед сам не знал, где возьмет надежного «личного помощника», который наладит ему связь с Самих-Арду за спиной Блоруда, но до вечера надо во что бы то ни стало кого-нибудь найти.

У здания, которое отвели под госпиталь для раненных при осаде, вместо кареты королевского советника стоял другой экипаж, куда более пышный и роскошный. Четырехместная черная карета, покрытая платиновой чеканкой, была запряжена четырьмя глобками. Животных украшали вышитые платиной чепраки и пурпурные попоны. Двенадцать верховых воинов в полных доспехах составляли эскорт. Шесть слуг стояли у дверей кареты.

– Это чье? – равнодушно спросил Тед, оглядывая чей-то шикарный выезд. Блоруд тем временем искал, куда подвинули его собственную карету.

– Это королевский экипаж, – ответил Блоруд, прочитав незнакомую Теду гербовую символику, украшавшую все: от вензелей на ручках до вышивок на пополах и клейм на упряжи. – Теперь мы знаем, чем Каризоах занимался после брифинга.

– Полный «Роллс-Ройс», – вырвалось у Теда. – А давно эта штукавина у меня есть? – уточнил король. Он не помнил, чтобы у него был особый экипаж и сопровождение.

– Карету закончили сегодня, я полагаю. – Блоруд что-то слышал о заказе для мастерской, но не думал, что готовое изделие поспеет в распоряжение королевского двора так скоро. Он надеялся, что у него будет возможность проверить, как Каризоах распоряжается самихской казной прежде, чем она окончательно иссякнет, но золотых сундуков в личном распоряжении самихского казначея, а ныне стольника, пока хватало, а после несчастья с Самих-Арду он за спасенное личным мужеством золото вообще ни перед кем ни отчитывался. – Замечу, что новый стольник короля имеет отличное от моего видение представительских расходов.

– Да, в размахе ему не откажешь, – подтвердил Тед. – Ладно, тогда разбегаемся. Вечером тебя не будет, как я помню?

– Король прав. – Блоруд отвернулся и быстро зашагал к своему экипажу, а Тед уселся в свой.

– Дворец магини Онри, – произнес Тед в звукопроводную трубу. По крыше дважды постучали, предупреждая о начале движения, и карета, качнувшись на рессорах, покатила вперед. – А как сделать, чтобы меня не слышали?

– Труба перекрывается рычагом, – ответил спереди невидимый кучер.

«Новая система, – подумалось Теду, – а что еще есть».

В шкафчике за стеклом Тед увидел маленький высокий чайник. Из носика шел пар. Присмотревшись, он заметил под ним миниатюрную жаровню с углями. Тед налил напиток в хрустальный бокал. Это был тот же утренний навар бодрящих трав – кофе, как он именовал его про себя. Горячий кофе в экипаже – Каризоах превзошел сам себя. Когда-то Тед был кофеманом: выпивал по два литра обычного кофе в день или по шесть чашек эспрессо. К сожалению, африканский кофе стал известен в арабском мире только в пятнадцатом веке, а Европе получил распространение и того позже, поэтому Теду редко удавалось насладиться натуральным напитком в странствиях по времени. Со временем он перепробовал столько эрзац-продуктов, что, по собственному мнению, мог написать про них целую энциклопедию.

Карета прокатилась по главной площади. Тед взглянул на балконы своего дворца, потом пересел на другую сторону дивана и осмотрел самолет. Теперь самолет окружала стена из обсидиана с пиками наверху. Боевую машину дено и ночью охраняли двенадцать воинов и один маг. Желаящих подобраться к ней за все время замечено не было, но если Сорд готовит диверсию, то самолет – самая очевидная цель. Сначала, разумеется, Тед Карвер, но вторым номером в списке Сорда на уничтожение точно самолет.

Где найти помощника между обедом у Онри и ужином с компанией подхалимов Каризоаха? Множество дел, которые приходилось держать в голове, разрасталось как бешеная раковая опухоль. Тед убедился в правоте человека, открывшего принцип Питера. Этот принцип организации бюрократии утверждает следующее: пока человек справляется со своими обязанностями, он движется вверх по карьерной лестнице. Как только он перестает справляться с делами, рост прекращается. Это приводит к тому, что почти все должности заняты людьми, которые не справляются с делами или скоро окажутся там, где перестанут справляться. Он ощутил это на себе. Как решать столько задач, если постоянно отвлекаться на ерунду вроде этого проклятого принципа? Карета остановилась.

Эскорт встал у парадного подъезда дворца Онри. Теду открыли дверцу и расстелили небольшой коврик из дубленой кожи. Стража Онри, обменявшись приветствиями с воинами сопровождения, впустила короля и брата Ракха внутрь, где их встретила Амала. Она сняла с Теда пурпурную накидку и бросила ее слугам.

– Мы не опоздали? – спросил Тед.

– Король всегда вовремя, – ответила Амала.

– Ты ллавари Лана? – спросил Тед. Разбираться в серых лицах тех, с кем он не виделся каждый день, оставалось тяжело. Худо-бедно он научился не путать ороши и ллавари, но типов супружества было еще два или три.

– Король прав, – подтвердила Амала.

– Нет проблем с ногами?

– Хожу осторожно, но подарок Сорда не на долгую память и бесследно забудется скоро.

Они поднялись по лестнице в сад на крыше, где Онри устраивала обеды. Стол был накрыт, но Онри пришлось поискать. Они с Воэлом лежали на диване в дальнем укромном уголке сада в окружении пышного цветника. Тед, видевший в мире допельгангеров лишь степи, и не подозревал о существовании таких растений. Впрочем, он и в земных цветах дальше роз и гвоздик не разбирался, и, читая в одной книге, как шпажник простирает куда-то свой озерный скипетр, а склонившийся мокроногий посконник делал что-то с венком незабудок и барвинки, он видел перед своим мысленным взором пыльный справочник по ботанике, написанный невесть что означают китайским иероглифическим письмом, а не романтическую идиллию.

– Король приходит в шуме и грохоте, с лязгом доспехов и под скрип упряжи, усталой пылью устлан путь пурпура, – проговорила Онри, продолжая смотреть вдаль, не поворачивая головы в сторону гостя.

– Обживаюсь потихоньку, – ответил Тед, разглядывая цветочное убранство. – Ты хотела говорить со мной. И у меня есть одно дело.

– Позовите Лана, замкнем круг равных, – попросила Онри, и Амала пошла за мужем. Звукопроводных труб во дворце Онри не было. Она чуралась их акустической инженерии по той же необъяснимой причине, по которой некоторые современники Теда избегали мобильных телефонов.

– Есть новости про Сорда? – спросил Тед, чтобы завязать разговор. – Мне докладывают, что он затих.

– Последнему потомку проклятого рода суета мелких душ не пристала. Он коротает дни в наслаждении обретенного успеха, и мелкие события приграничья – не его тревоги.

– Соленая вода приближается к нему так же, как и к нам. Раньше или позже и Сорду, кем бы он ни был, придется замочить в ней ноги.

– Что королевские доносчики думают про наступление вод океана, как мать дитя, земли в объятиях закутавших?

Водой Онри удалось немного расшевелить. Тед привлек ее внимание. Она привстала с дивана, дождалась, когда встанет Воэл и подаст ей руки, чтобы подняться самой.

– В моих рядах нет однозначной оценки этого явления, – не сказал Тед ничего.

– Когда бы я оказалась права, твою королевскую головку Сорд перестал бы занимать. – Онри была одним из немногих допельгангеров, кто обращался к Теду напрямую. Любой другой сказал бы «голову короля Сорд перестал бы занимать». Вторым допельгангером была Лимра, но с ней они почти не обсуждали дела, встречаясь только во фривольной обстановке спальни. Третьим, возможно, был Ракх, но он так мало говорил...

– Права в чем? – спросил Тед.

– В источнике воды.

– И что это?

– Не что, а кто. Давно верили, что Баал предначально был андрогин по природе, в одной сущности мужское и женское начало совмещая, но совершенство такое было сложно для тех, кого Баал избрал себе в рабы и слуги. Он отделил от себя женскую сущность, и в книгах тех немногих, кто рисковал ее словом наречь, женская часть Баала именуется Тиамат. Говорится

о ней, что власть над водами, откуда жизнь вышла, присуща демонице безраздельно. И если я права и Тиамат нашла проход в наш мир, то Абруд Сорд лишь малая угроза, внимание от которой тебе отвлечь возможно без последствий.

– Тиамат, – повторил Тед, запоминая. – Блоруду известно?

– Как и многое, это имя для твоего советника знакомо.

– Я слышал, что раньше верили, что, зная имя демона, можно получить над ним власть.

– Пустые предрассудки.

– Именно, однако часть правды в этом есть. Зная имя, я смогу дожать Блоруда.

– Пройдемте к столу, – пригласил Воэл. Лан и Амала уже поднялись и стояли под руку.

– Тиамат! Ты об этом хотела говорить со мной? – продолжил Тед прерванный разговор.

– Чтобы подтвердить это, надо отправиться на место. Очень далекое место.

– Лететь нельзя, топлива осталось мало.

– Здесь пищи на прокорм твоей машине не сыскать?

– Нет, очень сомневаюсь, и это будет мой вопрос, но продолжай. Что с Тиамат и с местом?

– Твой советник знает это далекое место, волхвам оно ведомо. Узнай, где оно, и кругом равных мы отправимся в нелегкую дорогу.

Воэл вздохнул. Чандраллагона, откуда они кругом равных еле унесли ноги, ей было мало. Мало ей Абруд Сорда, который убил Рогвера и, если бы захотел, мог убить и его с Онри. Теперь она хочет пересечь океан, чтобы найти третью печать и, возможно, бессмертную Тиамат, уничтожающую миры в свободное от воссоединения с Баалом время. Не к добру это.

– Твой друг будто сомневается. – Тед заметил, как Воэл немного отсел от стола и от Онри.

– Король не знает, куда нам предстоит отправиться, – заметил в свою защиту Воэл, но Онри упрекнула его:

– Тревога бьется в запертых сердцах, как птица в холоде тенет, но сердца открытые не ведают тревог, они парят над бранным миром. Наш мир закрыт тремя печатями. Все три были открыты, и две открыты сейчас.

– Кто закрыл одну? – спросил Тед.

– Конечно, Абруд Сорд, глупый. Он же не будет жить над печатью, рассорившись с тьмой и умертвив, насколько то возможно, ее темнейшего посланника.

– Без деталей, пожалуйста, – прервал Тед. – Три или две, что дальше?

– Две нам известны, – влез Лан. – Одну мы видели в Чандраллагоне. Вторая находится в святилище Самиха и закрыта. Остается третья. Она где-то далеко в океане. Про нее известно только черным волхвам, из которых остался жив только Блоруд.

– Я поговорю с ним, – пообещал Тед. – Теперь к проходам. Нужен хороший специалист по этому делу.

– У тебя есть ключ к проходам. Чья помощь нужна хозяину ключа? Что ты хочешь пронести? – удивилась Онри.

– Себя. Положим, что вернуться домой мне не составит труда – я всегда легко нахожу дорогу домой, но как потом найти проход в то же самое место и время в этом мире? Будет не очень весело, если я вернусь через год, когда все кругом покроет вода.

– Главный вратник исчез, – начал перечислять Воэл. – Архимаг убит. Все жрецы, кто постиг мастерство проходов, погибли в святилище Самиха, а если кто-то выжил, то служит Сорду. Волхвы... Блоруд. Он может.

– Кто-нибудь еще? Блоруд меня напрягает.

– В том его естество, он долго служил тьме, и, как и все такие, он неизлечим. Когда он станет бесполезен тебе, я убью его, – пообещала Онри. – Ему давно пора разделить судьбу своего круга. Неполные круги вызывают сожаление и противоречат нашему чувству прекрасного.

– У вас погиб Рогвер или кто-то. Ваш круг тоже неполон.

– О нет, – не согласилась Онри. – Наш круг пятерых, и за столом нас как раз пятеро. Наш круг полон.

– Я? – переспросил Тед. – Но я не маг. Я не могу быть вам равным.

– Тебе не нужно мочь, тебе достаточно быть. Для многих внизу ты гораздо больше, чем просто маг, а здесь наверху ты в кругу равных. Это факт, как этот стол, как наша одежда, как я, как ты, как Лан, Амала или Воэл или эта каша.

Слуги принесли и поставили перед собравшимися «ледяную кашу». Тед уже обратил внимание, что пицца доппельгангеров не хвастает разнообразием. Они знали три вида мяса: ящериц, коров и глобков, причем последнее почти не использовалось, так как глобки были дороги, а их мясо невкусно. Здесь произрастали пара овощей и несколько злаков, из которых они делали пресные каши, вкус которых доводили до съедобного с помощью различных трав. Обеденное блюдо магов не выбивалось из этой простецкой кулинарной схемы. Особенность ледяной каши заключалась только в подаче. Тарелки с обжигающе горячей кашей подавали на цилиндрах льда, которые остужали дно тарелок. Зачерпывая кашу по всей глубине, можно было смешать в ложке слои разных температур и тем потешить язык.

– Иногда она начинает говорить понятно, – заметил Тед Воэлу.

– Королю бы посмотреть на нее утром, – со смирением навеки обреченного вздохнул Воэл.

– Не стоит, – автоматически отказался Тед, почувствовав за этими словами рискованную, без необходимости усложняющую жизнь двусмысленность, которую Воэл вовсе не имел в виду. По утрам Онри действительно имела привычку нести невесть что, будто разбитое на осколки снов бессознательное вырывалось словами из ее рта вперемежку с градом подобранных в эфире потусторонних образов, и лишь спустя некоторое время она настраивалась на привычную, понятную окружающим речь.

– Не пустословь, король, – упрекнула Онри. – В кругу равных нет ни глупее меня, ни умнее, и каждый среди нас понимает, что говорят остальные.

– Оставим спор, – предложил Тед и вернулся к повисшему вопросу: – Есть у меня альтернатива Блоруду, чтобы устроить проходы в обе стороны?

– Есть, и ты с ней делишь ложе.

Предложение Онри оказалось для Теда неожиданным.

– Тьфу, а верно. Кое-кого мы забыли посчитать. – Перед тем как ответить, Лан сплюнул на пол слишком горячую кашу, которую неправильно смешал. Тед ободрился, увидев, что не у него одного возникли сложности с едой.

– Она никогда не была в мире людей, – отвел предложение Воэл.

– А тоже верно, – повторился Лан, накладывая заклинание на ошпаренный язык.

– Это ничто, – не разуверилась Онри, – Тед Карвер знает дорогу к себе домой, а первая жрица знает дорогу обратно. Им не придется искать сложные дороги и тревожить эфир.

– Все согласны? Синклит? Я-то не знаю. – Теду хотел услышать единогласное решение четырех магов.

Услышать он его не услышал, но Воэл, Лан и Амала вроде покивали, значит, скоро королю придется посвятить в свой тайный план Лимру.

Обед с магами закончился, и часы показали, что время возвращаться во дворец и готовиться к ужину, на который Каризоах обещал какую-то ценную в политическом отношении публику. Тед отбыл, и карета с шумом, грохотом и лязгом доспехов доставила его на соседнюю сторону площади, куда пешком идти было быстрее, чем весь кортеж разворачивать.

Во дворце, идя к себе, Тед столкнулся с советником. Тот куда-то торопился, хотя его экипажа у парадного подъезда не было.

– На пару слов, Блоруд. Мне нужно, чтобы ты открыл, где находится третья печать.

– Кто просил короля об этом? – замешкался Блоруд, не ожидавший, что с этим вопросом до него доберутся так скоро.

– Ой, не придуривайся. Ты отлично знаешь, кто мог о таком попросить, и подозреваю, что ты лучше меня представляешь зачем.

– Не самое лучшее время распылять наши силы и отпускать магов, – предупредил Блоруд. С королем не поспоришь, Блоруд знал, что когда Онри возьмется за дело, то будет действовать круто, как в Чандраллагоне, не щадя своих, а чужих и подавно.

– Мне нужно только место. Оно известно?

– Я пришлю королю все, что нужно, чтобы его отыскать. Неназванным королевским агентам известно, с чем они могут столкнуться, бросая вызов океану?

– В общих чертах.

– Я хотел узнать, прозвучало ли имя?

– Тиамат?

– Да, таковы и мои подозрения.

– Тебе известно и об этом? Много ли? – допрос советника продолжался.

– Тиамат – это легенда, которая родилась в нашем мире до традиции волхвов. Она принадлежит наследию проклятого рода. Спрашивай у жрецов, – предложил Блоруд, подразумевая, естественно, Лимру, – спрашивай у магов, – перекинул он мяч обратно к Онри, которая навела на него короля, хотя могла спросить напрямую. Они с магией оставались на ножах, но личное не должно мешаться с вопросами безопасности королевства. Так думал Блоруд. Онри считала иначе, для нее все было так или иначе личное, а что не было личным, того и вовсе не было. Ее сад парил высоко над землей.

На том король с советником расстались. Ужин прошел скучно, Тед ничего в нем не понял. Ему представили каких-то перенесенных с обеда «промышленников», начальников всяческих артелей и цехов, главу торговой палаты, вернувшегося после побега и заступившего на место Храсавана, главу недавно учрежденного монетного двора и мелких управленцев калибром не выше этих, всего персон двадцать. Весь ужин они в один голос уверяли короля и друг друга о готовности работать на благо бла-бла-бла, как на приз, соревнуясь в красноречии. Ну уверили, и хорошо. Ни их лиц, ни имен Тед не запомнил. Без советника разобраться, кто есть кто, кто имеет вес, а кто в подворотне подмазал столы, чтобы очутиться за одним столом с королем, было невозможно. Король насилу дождался, пока официальный ужин закончится. На прощание он, в соответствии с традицией всех политиков, уверил собравшихся в наилучшем положении дел в стране, каковое почему-то вскоре или прямо сейчас потребует от них новых и все больших усилий, и ушел в положенный час, как ни хотелось ему бросить гостей раньше.

Двенадцать часов позади. На сон осталось меньше пяти с половиной. Еще есть время перекинуться словечком с Лимрой. Каризоах внес в спальню вечернее питье, слуги сняли с Теда сапоги, кафтан и узкие брюки, помогая облачиться в вечерний халат. Слуги унесли одежду, ночью из нее выбьют пыль, сапоги почистят, и завтра она будет как новая. Каризоах пожелал спокойной ночи и вышел, оставив короля и первую жрицу наедине. В точный час пришла из своего дворца Онри, поставив на двери запирающее заклинание под сегодняшних ночных стражей – Лана и одного из братьев Ракха. Изнутри защитным заклинанием скрепила двери Лимра. Обычный порядок отхода ко сну был соблюден, но этой ночью дверям придется отвориться задолго до рассвета.

Как же утомительны все эти официальные приемы, благотворительные и офицерские балы, генералы, «промышленники», спонсоры и другие официальные лица. Легче посадить F-8 Crusader на палубу «Китти Хок» при боковом ветре в пятнадцать узлов, чем вынести один из таких вечеров. Придумывать отговорки, чтобы не ходить на такие застолья, – это низко. Манкировать гостями, даже малознакомыми и второстепенными, совсем без объяснений –

не хватало гордости. Тед мог бы иронично заметить, что он просто солдат, если бы эта фраза не была затерта, опошлена и обесмыслена многочисленным употреблением со стороны лиц, которые простыми солдатами, то есть заурядными расходными единицами, никак не являлись. Он – герой, король, чудо и не может себя ставить ниже достигнутого уровня, если хочет сохранить связь с реальностью.

От разбегающихся мыслей его спасла Лимра. Ее нога оказалась на плече Теда. Надавив ступней на королевский затылок, она привлекла его к себе, и они несколько раз поцеловались. Пустое серое лицо первой жрицы сменилось синим чешуйчатым камуфляжем комиксовой Мистик. Мечта пятнадцатилетнего Теда осуществлялась спустя не годы, а целые жизни: такая пропасть отделяла Теда Карвера от того никогда не существовавшего техасского паренька, который рыбачил с палкой-острогой, обожал комиксы, реслинг и гонки в категории Top Fuel. С каждым днем, с каждым открытым проходом, вылетом, посадкой, выполненной задачей, пораженной целью, израсходованным боекомплектом эта пропасть росла, ширилась, углублялась. Его память давно не хранила события непрерывным, последовательным рядом, где одно событие, по аксиомам порядка, обязательно предшествовало или следовало за другим; эта река больше не текла, а покрылась льдом, развалилась на мутные осколки с острой режущей – только попробуй тронь! – кромкой, ткань памяти разорвалась на лоскуты и заплаты, стала как изрезанная монтажными ножницами киноплёнка, эпизоды которой, не имеющие начала и конца, перемешались в непредсказуемость хорошо тасованной карточной колоды.

Вдвоем они свалились на кровать. Цепляющиеся за простыни суперчасы скользнули с запястья Теда и громко упали на пол – им ничего не будет. Когда Тед подобрал их, они показывали тринадцать с мелочью. Незнакомые звезды светили через окно. Внизу темным силуэтом выступала крыша чьего-то дворца. Тед заснул.

Глава 3. Из недр

Шум на улице разбудил Теда посреди короткой ночи. Он нашарил валявшиеся на полу рядом с кроватью часы, на ощупь ткнул в них пальцем, и большая кнопка подсветки раскрасила оранжевым экран, на котором горело четырнадцать часов. Кругом темнота. Что там снаружи происходит? Какая-то странная тишина и будто беспорядочный шум пробивается через нее откуда-то издалека. Легкая дрожь пробежала по стенам, будто едва различимое землетрясение тронуло дворец. Нехорошее предчувствие. Вспышка синего света за окном. Не близко. Из комнаты виден лишь голубоватый отсвет на крыше соседнего дворца. Сигнал тревоги? Но это не на площади. Где-то позади. С другой стороны дворца. Что с самолетом? Тед хотел встать, чтобы посмотреть, но рука Лимры уложила его обратно.

– Лежи, я проверю, – услышал он ее холодный шепот.

Что разбудило ее? Синяя вспышка, дрожь комнаты или то же неясное, что и Теда?

Зашуршали простыни, и Тед разглядел силуэт Лимры на фоне окна. Уже не Мистик, а Лимра, значит, дело серьезное. Она оглядела площадь.

– Здесь ничего не видно, – ответила она.

Под двумя ладонями двух стражей, в полном соответствии с протоколом безопасности, приотворились двери королевских покоев, и Лан юркой мышью скользнул внутрь. Его неприступно шваркнуло заморозкой, предназначавшейся для незваных гостей.

– Что происходит? – спросил Тед, когда Лан, насилу отбившийся от заклинания, подошел к окну и, стоя бок о бок с первой жрицей, осмотрел то небольшое, что было видно.

– Тревога на Раскатной улице, – ответил Лан, когда убедился, что в окно западных покоев никто не лезет и над крышами угрожающе не кружит. Конечно, дворец надежно охраняли снаружи, но кто знает, ведь шумная тревога может быть в одном месте, а пока она отвлекает внимание на позиции в городе, диверсионная группа врага может уже штурмовать дворцовые стены.

– Демон? – уточнил Тед. Давненько демоны не пробирались так далеко, уже дней четыре или пять.

– Это не то, что обычно. Демонов дозорные выстреливают без запуска тревожных маяков, – напомнила Лимра, прежде чем отошла от окна и приблизилась к кровати.

– Сорд? – продолжал выбрасывать в пустоту догадки Тед.

– Неизвестно. – Лан запустил из окна вниз нечто вроде бенгальского огня. – Что там? – крикнул он кому-то внизу, когда его фейерверк привлек внимание невидимого королю собеседника. Тед продолжал лежать на кровати в глубине комнаты, опасливо поглядывая на широкий, пустой, ничем не защищенный, без стекла, ставен и решеток оконный проем.

– Иду посмотреть! – Голос Онри донесся снизу, но был на грани различимого.

– Мне с тобой? – прокричал Лан. Теперь и внизу на площади начиналась какая-то суматоха. Количество неразборчивых голосов множилось, и Лану приходилось их перекрикивать.

– Будь с королем. – Голос Онри ворвался в окно оглушающим раскатом, теперь он гремел во всю мощь усиливающего звук заклинания.

– Куда выходит, то есть с какой стороны Раскатная улица? – спросил Тед, нащупывая на полу куда-то заброшенный в порыве вечерней страсти халат.

– Там, – указал Лан рукой на одну из глухих стен, точно определив направление на Раскатную.

– Туда выходят окна брифинг-залы. – Тед поднялся с кровати, и сердце его наполнилось великим предчувствием приключения. Это его город. Он стал его, когда он принял командование, иначе говоря – короновался. Это его дворец, его стража и его маги. Кровать тоже его,

но призвали Теда не для того, чтобы он переждал моменты опасности. – Идем туда, посмотрим.

– Здесь безопаснее, – заметил Лан, полагая, что королю будет комфортнее под одеялом, а не на сквозняке брифинг-залы, до которой еще идти надо.

– А оттуда видно лучше! – отрезал Тед. – Марш!

Они вышли, и брат Ракха, продолжавший стоять на страже снаружи, хлопнул себя кулаком по груди в знак приветствия. На лестнице послышался мерный топот и лязг. В коридоре появилась дюжина воинов из гвардии. Каризоах послал снизу подмогу. С таким усилением Тед почувствовал себя вдвое увереннее, чем просто в халате.

Идя по коридору, Тед замечал, как никогда не видимые им допфельгангеры из дворцовой службы исчезали в потайных проходах за стенами. Ночные полотеры не ожидали встретить короля в необычный час и исчезали, чтобы не мешать отряду пачкать железными сапогами только что надраенные полы. Потайных ходов на пути оказалось неожиданно много.

Из брифинг-залы Тед, Лимра и Лан разглядели следы сражения на улице, которую Лан называл Раскатной. Что происходит на самой улице, было скрыто домами. Виднелись только отсветы заклинаний и звуки эха. Лан и Лимра, хорошо знавшие основные боевые заклинания, могли их расшифровать, но королю эти блики мало что говорили.

– Вернемся? – предложил Лан, когда все, что позволяла брифинг-зала, было увидено.

– Думаешь, я усну после такого? – нервно огрызнулся Тед, хотя ничего лучше нельзя было предложить. – Сколько туда идти?

– Что бы там ни случилось, Онри разберется, – заверил Лан.

– Маг прав, – поддержала его Лимра и взяла Теда под руку. – Пойдем спать.

Тед подчинился и вернулся в покои, под любимое одеяло.

– Чем можно закрыть окна? – спросил он, когда Лимра заползла к нему в объятия. – Мне говорили, есть какие-то бронешторы.

– Их делают только в Самихе. Там шумные улицы. В Юроби даже твой столик их не раздобудет, если только не привез с собой, но тебе не стоит волноваться. Многие пекутся о тебе. Магиня и ее круг равных. И со мной рядом тебе мало угроз.

Под успокаивающую болтовню Тед на удивление быстро заснул, и стихающий шум магической возни больше не мешал его сну. О том, что произошло, король узнал утром на брифинге.

Ночной переполох начался с того, что по Раскатной улице, как обычно в это время, шли грузчики. По пустым улицам они ночи напролет вывозили на окраину Юроби камни разрушенной цитадели. Кочевники толкали нагруженную телегу, а бригадир из местных строителей показывал дорогу и понукал своих трудяг. Внезапно земля под ногами допфельгангеров задрожала. Сверху, с крыши дома, упало несколько камней, никого, к счастью, не задевших. Это было первое свидетельство того явления, которое Тед примет за землетрясение.

Грузчики остановились и тревожно прислушались. Что-то необычное шумело вокруг них и тысячей когтистых крыс скреблось то ли в стенах, то ли в земле. Не успели они и словом обмолвиться, как новый удар заставил землю содрогнуться, и сразу за ним через ровную брусчатку Раскатной прошла узкая трещина, в которую провалилось два колеса телеги.

– Бегите за дозором! – криком послал бригадир своих подчиненных. – Всех на Раскатную! – Больше живым его не видели. Кочевники разбежались.

Убежали они вовремя. Как только грузчики скрылись за углом, третий удар сотряс землю, трещина разъялась в расщелину и вся телега провалилась в образовавшийся провал. Бригадир едва отскочил. Осторожно вытянув вперед шею, он подошел к краю ямы, в которой исчезла телега, и присмотрелся в черноту ямы. Он увидел отблески уличных факелов на воде, стоявшей довольно глубоко, на два или три роста ниже уровня мостовой. Он рассмотрел разбитую телегу и опрокинутые блоки цитадели, уловил движение чего-то массивного, будто чешуя блес-

нула в тусклом свете факелов, но это были не буро-черные пластинки глобчьих шкур, а серо-синяя чешуя, которую он никогда не видел. Потом что-то выскочило из ямы и сильным ударом ниже колен сбило бригадира с ног. Он опрокинулся и сам не заметил, как соскользнул в яму, уцепившись в полете руками за край. Ноги заскользили по размокшей земле, не находя опоры, но пальцы, до крови раздирая кожу, судорожно вцепились в камень мостовой, что ломом не отдерешь. Бригадир хотел подтянуться, чтобы вылезти, но тут что-то снова ударило его, в глазах у него потемнело, и он свалился в провал.

Когда кочевники вернулись со стражей, из провала торчала часть огромного сине-зеленого чешуйчатого существа. Видимая часть превышала размерами стреломет, хотя до циклопических размеров головы ходячего кита ей было далеко. Существо занимало половину ширины улицы, а кит не прошел бы сюда, даже сплюснутый вчетверо.

Стражи, оставив кочевников позади, подбежали на расстояние броска и метнули свои копья из закаленной магической стали, но перед ними был не демон, и копья лишь чиркнули по толстой чешуе. Без труда для себя отразив первый выпад, существо решило напасть на обидчиков. Проворно извиваясь, существо удлинилось, будто растянулось, и еще больше вылезло из проема, его пасть, в которую легко вошла бы груженная телега, распахнулась, длинный липкий язык выстрелил из глотки и присосался к ближайшему стражнику. Тот не успел выхватить оружие, как язык потащил его к пасти и затянул внутрь. Тремя рядами щелкнули зубы, смялись доспехи, хрустнули кости, брызнула кровь, и, прежде чем кто-либо успел что-то сделать, стражник был целиком сожран. Кочевники бросились прочь, но в другом месте Раскатной из трещины появился хвост существа и отрезал им путь к бегству. Стражники выхватили мечи, но прежде чем они успели броситься на врага, липкий язык отправил в прожорливую пасть второго из них. Подобраться к чудовищу на расстояние удара они так и не смогли, потому что, расширив вокруг себя проем, существо отделило себя от них глубоким провалом.

На счастье стражей, с другой стороны улицы показался один из дозорных магов, поднаторевший в боевой магии на истреблении Бааловых демонов. Чудовище получило с тыла заклинание магической искры, которое оставило в его крепкой чешуе кровоточащую рану. Искра разозлила существо и разбудила всех в городе, включая единственного человека. Оценив скромный успех, маг почел за лучшее позвать на помощь и запустил в небо тревожную ракету, которая привлекла внимание проснувшегося Теда отблесками синей вспышки.

Существо, блестя мокрой чешуей, развернулось, и его длинный язык распрявился в мага. Он оказался обвит чем-то липким и прочным, его руки были повязаны, и отбиться новым заклинанием он не мог. Язык потащил его в бездонную зубастую пасть, но жизнь мага не окончилась в утробе чудовища: один из стражей успел ударить по уязвимому языку мечом. Брызнула на мостовую склизкая кровь чудовища, но целиком перерубить язык у стража не вышло. Раненый отросток отлепился от мага и, волочась по мостовой, свернулся обратно в пасть.

С обеих сторон улицы прибежали новые дозорные; кого-то тут же послали во дворец к Каризоаху, кто-то со всех ног рванул к городской стене за стрелометным расчетом, а побелевший от страха маг, на ходу стряхивая с себя вонючую слюну, побежал за Онри.

Оставшиеся воины и маги сформировали фронты по краям улицы и из защищенной позиции вступили в бой с невиданным чудовищем. В возникшую из-под земли тварь летели копья и заклинания, мечи рубили чешую на хвосте, но ночной гость не оставался в долгу. Железные и деревянные щиты, которые находил длинный язык, порезанный, но не искалеченный удачным рубящим ударом, один за другим исчезали в пасти. Чудовище отрывало их перемолотыми и разорванными обратно в стражей. Когда солдатам показалось, что чудовище удалось потеснить и прижать к провалу, из которого оно появилось, тварь извергла из себя такую струю воды, что половина улицы оказалась затоплена, ряды стражей смяты напором, боевой порядок нарушен. Вместе с водой в стражу полетели деревянные щепки и железные обломки щитов. В довершение атаки из провала высунулись длинные тонкие клешни, которые

начали без разбора молотить поваленных наземь воинов, и плохо пришлось тем, кто не оделся в дозор в полные латы и не вооружился крепким щитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.